

ЧИНГИЗ АБДУЛЛАЕВ

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Чингиз Абдуллаев

Волшебный дар. Голубые ангелы

«PEN-клуб»

Абдуллаев Ч. А.

Волшебный дар. Голубые ангелы / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,

ISBN 978-5-17-048226-9

Издательство предлагает Вашему вниманию два прекрасных романа известнейшего писателя Чингиза Абдуллаева. «Волшебный дар» и «Голубые ангелы» в серии «Золотая коллекция» увлекут Вас захватывающим сюжетом и отлично впишутся в Вашу домашнюю библиотеку.

ISBN 978-5-17-048226-9

© Абдуллаев Ч. А.

© PEN-клуб

Содержание

ВОЛШЕБНЫЙ ДАР	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	10
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	16
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	24
ГЛАВА ПЯТАЯ	29
ГЛАВА ШЕСТАЯ	34
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	40
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	45
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	50
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	56
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	61
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Чингиз Абдуллаев

Волшебный дар. Голубые ангелы

ВОЛШЕБНЫЙ ДАР

«Однако же, для того, чтобы люди могли придерживаться истины, им, видимо, следует для начала узнать, в чем состоят заблуждения. Узнать на собственном опыте. Не могу ответить на этот вопрос простым „да“ или простым „нет“, но верю в то, что познать заблуждения необходимо».

Жозе Сарамаго, «Воспоминание о монастыре»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Он стоял на небольшом холме, наблюдая за игрой. Каждое точное попадание мяча в лунку сопровождалось одобрительным гулом зрителей. Игроки неторопливо выбирали клюшки для ударов. Во время игры в гольф важно не только правильно рассчитать силу удара, но и подобрать для его выполнения нужную клюшку.

Среди игроков выделялся один – коренастый мужчина среднего роста с пышными темными усами. Его собственные удары отличались безукоризненной точностью. Но при этом было заметно, как ревниво он следит за игрой, эмоционально реагируя на удачные проходы своих соперников.

– Он все равно выиграет, – убежденно заявил незнакомый мужчина, остановившийся рядом с Дронго.

– Почему вы так уверены? – спросил Дронго, с интересом взглянув на незнакомца, заговорившего с ним по-английски.

У того было мясистое лицо с крупным носом и изогнутыми, словно от удивления, бровями. На голове мужчины почти не осталось волос, да и поседевшие виски выдавали его возраст – лет пятьдесят. Дронго оценил красный пуловер незнакомца с небольшой акулой – знаком престижной фирмы – на груди и его мягкие прогулочные брюки.

Подошедший, судя по всему, неплохо разбирался в игре.

– Это один из самых известных игроков в гольф, – поведал незнакомец. – Он не только чемпион мира среди любителей, но и совладелец нашего отеля. Можно сказать, что он играет на своем поле, в гольфе этот термин особенно применим. Он знает здесь каждую кочку, каждый изгиб ландшафта. Мануэль Сильва. Его портрет висит в холле нашего отеля. Когда будете проходить, обязательно обратите внимание. Вы, кажется, приехали недавно?

– Только сегодня утром, – подтвердил Дронго. – Я много слышал об этом отеле в Алворе. Раньше я был на юге Португалии – в Алгарве – только проездом. Это ведь один из лучших курортов в мире?

– Самый лучший! Изумительное место, – восторженно сказал незнакомец. По-английски он говорил с довольно сильным русским акцентом.

Дронго усмехнулся.

– Вы давно прилетели из Москвы? – спросил он.

– Откуда вы знаете, что я прилетел из Москвы? – изумился неизвестный. – Разве мы раньше встречались с вами?

– Нет, – улыбнулся Дронго, – но вас выдает ваш акцент. Я сразу подумал, что вы из Москвы.

– Вы не итальянец? – еще больше удивился его собеседник. – А я решил, что вы либо испанец, либо итальянец. Если бы вы были португальцем, то наверняка узнали бы Мануэля Сильву.

– Я тоже прилетел из Москвы, – ответил Дронго, – только транзитом через Севилью.

– В таком случае давайте перейдем на русский язык, – предложил неизвестный. – Моя фамилия Сарычев. Николай Андреевич Сарычев. Я один из владельцев московского гольф-клуба «Титаник». Вы слышали о нашем клубе?

– Немного, – ответил Дронго. – А я Дронго. Меня обычно так называют.

– Неужели тот самый Дронго, – всплеснул руками Николай Андреевич, – знаменитый сыщик?

– Не знаю, насколько знаменитый, но точно не сыщик. Я всего лишь частный эксперт по вопросам преступности...

– Знаю, знаю, – перебил его Сарычев, – мне про вас столько рассказывал мой друг Эдик Халупович! У него были какие-то неприятности с женщинами, и вы ему очень помогли.

– Ничего себе «неприятности», – улыбнулся Дронго, – ваш друг, как видно, не утратил чувство юмора. Из-за этих неприятностей он мог получить лет двадцать тюрьмы. Его хотели обвинить в убийстве.

Сарычев присвистнул и покачал головой.

– Значит, вы действительно хороший сыщик, – убежденно произнес он, – но надеюсь, что здесь ваши способности не понадобятся. Поздней осенью в этом отеле почти не бывает обычных отдыхающих. Сюда приезжают только страстные фанаты гольфа, заранее договариваясь, чтобы разыграть любимые партии. Любовь к гольфу – это что-то сродни мании. Если вы начнете играть, то уже не сможете остановиться... Посмотрите, какой замечательный удар. Это Алваро Карнейро, известный португальский адвокат. Гольф – прекрасная игра!

– Не сомневаюсь, – согласился Дронго, повернув голову в сторону игравших.

– А вы сами не пробовали? – оживился Сарычев. – Такой известный человек, как вы, должен стать членом нашего клуба.

– Я не играю в гольф, – признался Дронго, – мне для этого не хватает куртуазности. Или буржуазности, как хотите. И я не из новой аристократии. Вот Шон Коннери играет в гольф, но он стал сэром и имеет на это право.

– У нас в клубе уже немало известных людей, – продолжал Сарычев. – Многие российские бизнесмены хотели бы научиться профессионально играть в гольф. Теннис и гольф – сейчас самые модные виды спорта. И еще горные лыжи.

– Теннис любил прежний президент России, нынешний любит горнолыжный спорт. Интересно бы узнать, кто из руководства любит гольф? – иронично заметил Дронго.

– Это правда, – рассмеялся Сарычев, вскинув короткие руки. – Пока что гольф предпочитают короли и банкиры. К примеру, сюда приехал мистер Фармер, один из самых богатых людей мира. Он предан гольфу уже полвека. Говорят, что за это время он перебивал партнером по игре почти у всех коронованных особ Европы. Но и у нас в клубе тоже очень солидные клиенты.

– Ваш контингент состоит из моих потенциальных клиентов, – мягко сыронизировал Дронго, – некоторых из них я знаю...

– Конечно, знаете, – не заметил иронии Николай Андреевич, – именно поэтому вам пора стать членом нашего клуба. Но простите, кажется, сейчас будет бить Вилари. Хочу подойти ближе – посмотреть, чем закончится игра.

– Кто такой Вилари? Знакомая фамилия...

– Еще бы! Это же международный авантюрист. Мошенник, не раз привлекавшийся к суду. Бывший актер. Снялся в нескольких французских и итальянских фильмах. Но – ничего особенного, никаких успехов... Любит играть в гольф, теннис, обожает казино. Два раза приезжал к нам в Москву. Жуир, альфонс. Недавно женился на самой Кэтрин Фармер. Она намного старше его. Наверное, вы видели Энрико Вилари по телевизору или читали о нем в газетах... Извините, я вас оставляю.

Сарычев прошел дальше, а Дронго взглянул на высокого красивого итальянца, замахнувшегося для удара. В этот момент солнце ярко сверкнуло на металлических частях его клюшки, на долю секунды ослепив наблюдателя.

Отель «Меридиан», расположенный на южном побережье Португалии, размещался на площади в триста шестьдесят акров. Большую часть его территории занимали многочисленные поля для гольфа, спроектированные одним из самых известных в мире специалистов в этой области дизайнера Генри Коттоном. Именно поэтому здесь часто проходили международные соревнования любителей и даже мировые чемпионаты по игре в гольф.

Отель располагал прекрасным, олимпийского класса, стометровым бассейном, вокруг которого в хорошую погоду любили отдыхать гости. Специальная деревня «Пингвин» предназначалась для развлечения детей, приезжающих с родителями. Отель был выстроен недалеко от прибрежного поселка Алвор, ставшего в последнее время одним из центров туристического бума на юге Португалии.

– ...Извини меня, Кэтрин, но я тебя не понимаю, – неожиданно услышал Дронго у себя за спиной и оглянулся.

Между ним и двумя разговаривающими женщинами находились кусты каких-то густо разросшихся растений. Женщины не могли видеть Дронго, а он слышал их разговор.

– Зачем тебе связывать свою жизнь с этим типом? – продолжал тот же голос. – Все никак не хочешь успокоиться? В твоём возрасте...

– Дорогая моя, – перебила говорившую Кэтрин, – мне только пятьдесят два. Ты, кажется, старше меня на два года. Или, если точнее, на четыре. Я уж не буду напоминать, сколько лет моему дяде.

– Это не имеет значения, – гневно возразила первая из собеседниц. – В конце концов, я супруга достойного человека – твоего дяди, а не твоего беспутного мужа. И я имею право сказать все, что думаю, об этом итальянском авантюристе. Неужели ты веришь в то, что он тебя любит? У вас разница в возрасте почти десять лет. И не в твою пользу, Кэтрин. Я, конечно, понимаю, что... Но можно было бы только встречаться... Энрико хорош в роли племенного жеребца, не более того.

– Не нужно так переживать, Сильвия, из-за моего брака. Или ты боишься, что мой дядя отпишет часть наследства и моему мужу, как своему близкому родственнику? Можешь не беспокоиться. Он ни разу за последние годы не пересматривал завещания. Хотя лет двадцать назад хотел отписать часть денег одной топ-модели в Лондоне. Я тебе об этом рассказывала. Но он не стал этого делать...

– С тобой невозможно разговаривать, – перебила разгневанная женщина, и Дронго услышал удаляющийся нервный стук ее каблучков.

Кэтрин осталась одна. Какое-то время она постояла, очевидно, размышляя о чем-то. Дронго замер, не решаясь двинуться и нарушить тишину. Внезапно женщина повернулась и, огибая кусты, пошла прямо на него. Ему показалось смешным и постыдным убежать. Он продолжал стоять на своем месте, когда женщина, выйдя из-за растений, едва не столкнулась с ним.

– Извините, – пробормотала она, сделав шаг влево.

– Простите меня, – произнес Дронго и шагнул вправо.

Они снова столкнулись. Женщина была в светло-голубом брючном костюме. Глядя на ее лучистые светло-карие глаза и аккуратно уложенные каштановые волосы, Дронго подумал, что в жизни она еще красивее, чем на экране. «Кажется, Сильвия сказала, что Кэтрин уже пятьдесят два года, – припомнил он. – Если даже она сделала подтяжку лица, то и в этом случае выглядит прекрасно. Ей ни за что не дашь больше сорока».

– Простите, – еще раз пробормотал Дронго, делая шаг в сторону.

– Подождите, – требовательно произнесла Кэтрин, – вы... журналист?

– Кажется, нет, – улыбнулся Дронго.

– Вы давно здесь стоите? – В ее голосе он услышал нотки раздражения.

– Да, – чуть подумав, ответил он, – но я наблюдал за игрой в гольф.

– Вы слышали наш разговор? – Она полагала, что у нее есть право допрашивать незнакомого человека только потому, что тот оказался рядом с ней.

– Слышал, – подтвердил Дронго, – и за это мне полагается какое-то наказание?

Она поняла, что ведет себя не совсем корректно, и улыбнулась. Затем пожала плечами:

– Извините. Я думала, вы журналист и специально подслушивали наш разговор. Вы итальянец?

– Нет, я из Москвы.

– Странно. Никогда не встречала никого из Москвы. Мне говорили, что это красивый город. Простите, что я себя так глупо повела. Мы повздорили с супругой моего дяди, и я была немного не в себе.

– Понимаю, – улыбнулся Дронго, – можете не беспокоиться. Я не прислушивался к вашему разговору, хотя говорили вы довольно громко.

– Да. – Она сморщила свой небольшой носик и неожиданно звонко рассмеялась, протягивая ему руку: – Я Кэтрин Фармер, американская актриса.

– Знаю. – Он наклонился, чтобы поцеловать ей руку. – Я видел вас в вашем последнем фильме «Мрак под солнцем». А меня обычно называют Дронго.

– Какое забавное имя! Вы югослав или... как это... джорджия. Кажется, грузин?

– Нет, это не мое имя. Меня обычно так называют.

– Иногда из-за споров с «тетушкой» у меня случаются срывы. Но когда женщине постоянно напоминают, что она на десять лет старше своего мужа, это не очень приятно. Верно?

– Полагаю, что да, – согласился Дронго. – А ваш дядя намного старше своей супруги?

– Почему вы так решили?

– Вы об этом сказали.

– Старше на двадцать шесть лет. Ему восемьдесят два года, – улыбнулась Кэтрин, – а моей тетке только пятьдесят шесть. Хотя она уверяет всех, что пятьдесят четыре. Между прочим, когда она выходила за него замуж, ему было семьдесят, а ей сорок четыре. В то время он тяжело болел, и все считали, что этот брак долго не продлится... Я тогда была на ее стороне. Считала ее своей лучшей подругой. А сейчас она смеет говорить мне подобные вещи!

– Самые суровые критики – это люди, неуверенные в собственной позиции, – пожал плечами Дронго.

– Верно. – Она взглянула в сторону игроков, среди которых был и ее муж.

– Он неплохо играет, – отметил Дронго.

– Наверное, – несколько растерянно согласилась Кэтрин. – Энрико любит играть в гольф. Хотя без особых успехов. Вы тоже приехали поиграть?

– Нет. Я здесь проездом. Только на три дня.

– Кто вы по профессии?

– Частный эксперт.

– Надеюсь, не в области психологии?

– Почти. По вопросам преступности...

Не успел он договорить, как Кэтрин поменялась в лице. Теперь в нем читались гнев, возмущение, отвращение, ненависть...

– И вы посмели ко мне подойти! – закричала она. – Вас специально наняли? Как вам не стыдно! Вы... Вы... Вы частный детектив! – Явно расстроенная, женщина побежала в сторону отеля.

Дронго проводил ее изумленным взглядом.

«Странно, – подумал он, чуть нахмурившись, – почему ей так не нравятся частные детективы? И почему ей кажется, что из-за нее кто-то решил нанять такого специалиста?»

Дронго пошел в другую сторону, не глядя на играющих. Он не мог даже предположить, что в этом райском уголке уже завтра произойдет убийство.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В Португалии за последние годы появилось сразу четыре отеля системы «Меридиан»: один – в Лиссабоне, второй – в Порто, а еще два – на южном побережье страны. В Алворе был построен отель, предназначенный для любителей семейного отдыха и игроков в гольф. Второй отель был расположен гораздо восточнее – в Алманхиле, непосредственно на океаническом побережье.

«Меридиан Пенина Ресорт Гольф отель» из-за многочисленных полей для гольфа занимал довольно большую территорию. Он находился в десяти минутах езды от небольшого поселка Алвор, куда ходил регулярный автобус, отвозивший гостей к побережью. Там у отеля был собственный пляж и ресторан, расположенный у самой кромки океана.

Зрелище великолепных видов Алгарве способно поразить воображение любого путешественника. Длинная цепочка живописных скал обрывается здесь почти у самого берега, где узкой полоской тянутся песчаные пляжи этой крайней юго-западной точки Европы. Скалы защищают побережье от сильных ветров, господствующих в этой части страны. И роскошные пляжи привлекают сюда миллионы гостей не только из европейских стран.

Вообще в Португалии на протяжении всего года царит резко выраженный континентальный климат. Такая же смена погоды характерна и для побережья Алгарве. Вечерами, после захода солнца, здесь даже в очень жаркие июльские дни довольно прохладно, а уж поздней осенью – по-настоящему холодно. Само название «Алгарб» придумали арабы. Слово «гарб» на арабском языке означает «запад».

Дронго давно был наслышан об этом роскошном курорте. Наконец он решил приехать сюда, чтобы отдохнуть вместе с Джил. Однако она позвонила и сообщила, что задерживается по своим делам в Риме и приедет лишь через несколько дней.

К ужину Дронго спустился в ресторан, расположенный на первом этаже в левой части здания. Здесь за столиками уже сидели почти все немногочисленные гости, приехавшие в отель в это время года. За большим столом у выхода на веранду Дронго увидел и свою недавнюю собеседницу.

Кроме Кэтрин за тем же столом находились еще четверо мужчин и одна женщина. Судя по возрасту, это была супруга мистера Фармера. Сидевший напротив нее пожилой человек – видимо, сам мистер Фармер, – устало смотрел в тарелку, почти не реагируя на разговоры вокруг. Место рядом с ним занимал владелец отеля Мануэль Сильва, выделявшийся своей черной шевелюрой и пышными усами. Он скорее походил на выходца из стран Магриба, чем на коренного португальца. Очевидно, среди его предков были арабы или мавры. А его соседом по столу оказался тот самый известный адвокат, о котором говорил Сарычев.

Алваро Карнейро на вид было лет пятьдесят. Одетый в великолепный костюм от Бриони, он являл собой образец преуспевающего дельца. Дронго обратил внимание на перстень с крупным камнем на руке Карнейро. Английский или немецкий адвокат никогда бы не позволил себе надеть такое украшение. А вот для их португальского коллеги это было в порядке вещей.

Дронго подумал, что адвокат не совсем уверен в себе. Он тщательно скрывал свои залысины, причесываясь особым образом. Когда мужчина носит парик, перекрашивает волосы или пытается различными способами скрыть проплешины, чтобы создать видимость прически, он выглядит не только смешно, но и несколько жалко. Конечно, если не брать в расчет эстрадных звезд, которым подобные ухищрения подчас необходимы для поддержания сложившегося имиджа или создания некоего нового художественного образа. А остальные мужчины, наверное, не понимают, что таким простым способом выдают свою неуверенность.

Слева от Кэтрин сидел ее молодой супруг Энрико Вилари. У него были длинные темные волосы, орлиный нос, тонкие губы, приятный загар. Одетый в темно-синий пуловер, он выделялся среди окружающих и своей молодостью, и своей красотой.

Предупредительный метрдотель провел Дронго к его столику, находившемуся в глубине зала. Не успев еще устроиться, Дронго услышал, что его зовут. Он обернулся и увидел Сарычева, сидевшего по соседству за одним столом с неизвестным мужчиной лет сорока пяти. Мужчина был высокого роста, с правильными, волевыми чертами лица. Очки, которые он носил, придавали ему облик учителя или врача.

– Идите к нам, – позвал Сарычев, – мы вас приглашаем!

Дронго подошел к их столику. Неизвестный поднялся, с серьезным видом протягивая руку.

– Мурашенков Арсений Викторович, – представился он.

– Меня обычно называют Дронго.

– Знаю, – не улыбувшись даже из вежливости, сказал Мурашенков, – я про вас слышал.

Когда Николай Андреевич сказал, что вы здесь, я не поверил. Обычно вы появляетесь там, где происходит убийство.

– Постучу по дереву, – сказал, усаживаясь, Дронго, – чтобы ничего не случилось.

– Здесь ничего не случится, – улыбнулся Сарычев, – в таких отелях не бывает неприятных неожиданностей. У них здесь своя охрана.

– Надеюсь. – Дронго пытался вспомнить, что он знает о Мурашенкове.

Это был один из самых богатых людей в Москве. Многие журналисты писали о его связях с сотрудниками спецслужб. «Странно, что такой человек приехал в Алгарве, – подумал Дронго. – Сейчас не сезон. Да и отдыхать таким, как он, лучше всего в местах, где можно снять виллу и не общаться с остальными. Обычно очень богатые люди так и делают. Почему он приехал сюда вместе с Сарычевым? Или он тоже любитель гольфа?»

– Явился этот тип, – вдруг зашипел Сарычев, показывая глазами на появившихся в дверях мужчину и женщину.

Мурашенков нахмурился.

– Это не наше дело, – резко сказал он, – мы не должны обращать на них внимания.

– Он с нами здоровается, – нервно добавил Сарычев.

Действительно, мужчина вежливо кивнул, обращаясь к ним. Мурашенков кивнул в ответ. А Сарычев даже поднял руку.

Вошедшая вместе с неизвестным женщина взглянула в сторону Фармера и его спутников. От внимания Дронго не укрылось то, как изменился в лице невозмутимый доселе старик за большим столом. Проходя дальше по залу, женщина демонстративно отвернулась от Фармера. Рука старика, державшая бокал, задрожала, и он поспешил поставить бокал на стол. Сидевший рядом с ним адвокат Карнейро недовольно сдвинул брови.

Оба вошедших делали вид, что не замечают переполоха, начавшегося в зале с их появлением. Мужчина – он был среднего роста, в очках, лысый, с аккуратно подстриженной бородкой и усиками – вертел головой, словно пытаясь одновременно увидеть сразу всех. Его спутница – высокая эффектная брюнетка средних лет, в туфлях на высоких каблуках и в обтягивающих брюках, которые подчеркивали ее изумительную фигуру, – сохраняла ледяное спокойствие.

– Кто это? – спросил Дронго.

– Разве вы приехали не из-за них? – быстро спросил Мурашенков.

– Нет, – ответил Дронго. – Странное свойство моей репутации: все считают, что я могу появиться на самом фешенебельном курорте только ради работы. Как будто я не вправе приехать сюда просто так.

– У вас слишком хорошая репутация, – сказал Мурашенков.

– Спасибо. Но кто эти люди?

– Шокальский, – презрительно сообщил Сарычев, – пан Тадеуш Шокальский. Самый большой прохвост Европы. Ничего святого – способен мать родную заложить, чтобы выгодно продать. Об этом типе ходят легенды. Говорят, что в свое время он даже был связан с польской разведкой. Вы помните, что он устроил в Словении в прошлом году? – Сарычев взглянул на Мурашенкова, но тот не ответил на вопрос. Лишь чуть больше нахмурился. Очевидно, он не хотел, чтобы его собеседник вспоминал об этом случае.

Николай Андреевич верно понял выражение лица Мурашенкова и решил сменить тему.

– Не будем о нем говорить, – отмахнулся он. – Посмотрите-ка на нашу американскую гостью. Кэтрин Фармер! В жизни она даже лучше, чем в кино. Обворожительная женщина. И какая изумительная актриса!

– Да, – согласился Дронго, – мне она тоже понравилась. Но и дама Шокальского, кажется, вызывает не меньший интерес.

Подошедший в это время официант приготовился записать все пожелания гостей. Мурашенков и Сарычев выбрали рыбу, Дронго попросил принести ему запеченного ягненка.

– Борrego, – пояснил он официанту.

– Вы знаете португальский? – спросил Мурашенков.

– Нет. Но я хорошо знаю итальянский, а он немного схож с испанским и португальским. Кроме того, когда много путешествуешь, начинаешь запоминать типичные названия. А из рыбы я рекомендую вам в следующий раз заказать «тамборил» – так они называют «морского черта». Или «ламприю» – угреподобную девятиглазку.

– Мне кажется, вы хорошо разбираетесь в португальской кухне, – усмехнулся Мурашенков.

– Я гурман. И вообще эпикуреец по жизни. Хотя на человечество в целом я смотрю как пессимист, тем не менее свою жизнь пытаюсь выстраивать в оптимистическом ключе.

– Вы много путешествуете? – поинтересовался Сарычев.

– Думаю, да. Я люблю эти перемещения в пространстве. Поиск новых мест, знакомство со странами, культурами, людьми. Это всегда очень интересно.

Я побывал на всех континентах, кроме Антарктиды и Австралии.

Продолжая беседу, Дронго и его новые знакомые наблюдали за поляками, которые разместились за небольшим столом в другом конце зала. Шокальский, в свою очередь, с явным интересом рассматривал их столик.

Дронго обратил внимание, что поляк слегка поклонился и адвокату Карнейро, когда усаживался на свое место. Адвокат в ответ кивнул гостю. Дронго видел, как нахмурился Мурашенков, тоже уловивший этот кивок Карнейро. «Кажется, я попал на чужой пир, – подумал Дронго. – Такое ощущение, что все эти люди приехали сюда по какому-то важному делу. И я совсем не уверен, что это игра в гольф. Они ведут себя как ревнивые конкуренты. Интересно, зачем они все сюда приехали? И почему их так раздражает моя профессия? Если при упоминании о ней столько людей нервничают, то здесь должен появиться человек, занятый деятельностью, схожей с моей. Хотя бы потому, что его все так ждут...»

Он еще не успел додумать эту мысль до конца, как в зал ресторана вошел... Но этого просто не могло быть! От неожиданности Дронго даже привстал. Встретить здесь своего коллегу, да еще такого известного!..

Дронго несколько растерянно посмотрел на сидевших рядом с ним людей.

– Извините, я вас оставляю, – сказал он. И, понимая, что действует против правил приличия, повторил: – Прошу еще раз простить меня.

– Кто это? – спросил Сарычев, указывая на нового гостя.

– Старый знакомый, – ответил Дронго довольно невежливо – не уточняя, кто именно появился в ресторане. Он не был уверен, нужно ли вообще говорить о нем своим соседям по столу.

Возможно, было бы лучше остаться сидеть с ними. Но не подойти к этому человеку он не мог. Просто не имел права. Это был его кумир. Один из тех, кого он считал своими учителями. А таких в мире было лишь несколько человек.

– Вы его хорошо знаете? – уточнил Сарычев. Мурашенков сидел с недовольным видом. На этот раз он даже не пытался скрыть своего раздражения.

– Это мсье Дезире Брюлей, – сообщил Дронго, догадавшись, что Мурашенков узнал этого человека.

Пройдя через весь зал, Дронго приблизился к столику, за которым, тяжело опустившись на стул, устроился новый гость.

– Добрый вечер, комиссар, – тихо произнес Дронго.

– Добрый вечер, – буркнул комиссар, совершенно не удивившись его появлению, словно они договорились о встрече именно здесь, в отдаленной точке Европы. – Садись, – разрешил он, указывая на стоявший рядом стул.

Дронго обернулся и заметил, что все присутствующие в ресторане смотрят в их сторону. Он сел спиной к залу.

– Я так рад вас видеть, – искренне признался он.

Перед ним сидел известный на весь мир человек – бывший комиссар французской полиции, легендарный Дезире Брюлей. За те два года, что они не виделись, Брюлей не изменился. Массивные плечи, грубые черты лица, словно высеченного из камня, неизменная трубка в руках... Любовь комиссара к трубке была столь же традиционна, как и у многих литературных героев – знаменитых сыщиков.

– Я тоже рад тебя видеть, – кивнул в ответ Брюлей, – хотя мне было бы приятнее увидеть тебя в Париже. Зачем ты прилетел? Кто-то из этих типов сумел тебя уговорить, чтобы ты позаботился об их интересах? – Он не скрывал своего пренебрежения к окружающим.

– Меня трудно уговорить, комиссар, – улыбнулся Дронго, – и вы это знаете.

Ему было приятно разговаривать с человеком, которого он знал уже много лет и которому абсолютно доверял.

– Почему не спрашиваешь, как я здесь оказался? – прохрипел комиссар. – Или думаешь, что меня можно купить? Старый конь стоит дешевле молодого?

– Я не хотел вас обидеть, – встрепенулся Дронго.

– Знаю, – ответил комиссар, – ты вообще ко мне хорошо относишься. Но на этот раз у тебя есть все причины изменить свое мнение обо мне. Я приехал сюда по приглашению одного из этих типов.

– Даже если вас пригласит куда бы то ни было сам Сатана, я и тогда не изменю своего мнения о вас, мсье комиссар.

Они как всегда общались друг с другом на английском языке, и Дронго приходилось тщательно выговаривать слова, чтобы Брюлей его понимал. Комиссар говорил по-английски с заметным французским акцентом.

– Спасибо, – пробормотал явно польщенный комиссар, – но не стоит так изощряться. У меня за последние четверть века не появилось ни одного друга. В моем возрасте трудно завести новых друзей. Ты же знаешь, что у нас с женой нет детей, и поэтому мы дружим с людьми, которые уже давно стали своими в нашем доме. Новых лиц у нас не бывает, – тяжело произнес комиссар. И, не делая паузы, добавил: – Кроме тебя. Ты – единственный новый человек, кто появился в нашей семье за последние десятилетия. Иногда я думаю, что ты мог бы быть моим сыном, настолько хорошо я к тебе отношусь.

Дронго улыбнулся, чувствуя, как предательски заблестели его глаза. Похвала такого человека стоила многих высших наград.

– Поэтому давай перестанем обмениваться глупыми любезностями и поговорим о деле, – проворчал Брюлей и позвал официанта.

Манерой говорить и скупыми жестами комиссар напоминал известного французского актера Жана Габена, настолько органичными и характерными они были.

– Принеси мне бокал вина, – приказал комиссар и, когда официант отошел, сказал, обращаясь к Дронго: – Ты уже, наверное, знаешь, что здесь должно произойти. Завтра они подписывают крупный контракт на организацию какого-то соревнования по гольфу. Говорят, это будет что-то вроде параллельного чемпионата мира. Очень большие деньги, Дронго. Когда мне назвали сумму, я даже не поверил. Ты ведь представляешь себе, что это за спорт. Развлечение для богатых бездельников. Ходят по искусственным полям в мягких тапочках, а слуги носят за ними их клюшки. И вся игра заключается в том, чтобы попасть шариком в дырочку. Игра для придурков, – убежденно произнес комиссар, ощупывая карманы. Вспомнив о чем-то, он недовольно пробурчал: – Черт возьми, здесь не разрешают курить. – И лишь после этого добавил: – Им мало официального чемпионата, хотят организовать суперсоревнования «для своих». Для президентов банков и корпораций, для коронованных особ и всяких там шейхов. Состязаться с профессиональными спортсменами они, конечно, не смогут, а вот побегать друг за другом – пожалуйста.

– Я слышал, что в мире есть несколько подобных соревнований.

– Эти будут самыми грандиозными. В гольф не играют бедняки. Это спорт очень богатых людей. Как и соревнования на собственных яхтах.

– И вы приехали только из-за этого? – Дронго чуть смущенно улыбнулся – ему было неприятно задавать такие вопросы. Но он знал, что бывший комиссар не любит, когда ему пытаются подыграть.

– Не только, – на грубом лице комиссара появилась улыбка. – Знаешь, если бы ты меня не спросил, я бы очень удивился. И может быть, даже огорчился. Конечно, я приехал сюда не ради этих богатеев и их дурацкой игры. Сначала ко мне обратился один из этих бездельников, и я, понятно, ему отказал. И не спустил его с лестницы только потому, что мы встретились в неплохом ресторане – в отеле «Крийон», на первом этаже...

– ...справа от входа, – кивнул Дронго, – я там бывал.

– Не нужно напоминать комиссару полиции, живущему на зарплату, что ты бывал во всех лучших ресторанах Парижа.

– Убедили. Теперь я буду обедать только в американских закусочных.

– Не стоит. Такой жертвы я от тебя не требую. Так вот. Я сразу отказался. В моем возрасте лететь в Португалию не совсем удобно. И совсем не солидно. Я правильно выразился по-английски?

– Я вас понял. Мне каждый раз неприятно, когда я вспоминаю, что не сумел выучить французский язык.

– Между прочим, никогда не поздно, – проворчал Брюлей. – В общем, я отказал. А потом мне позвонил мой старый приятель и настоятельно попросил меня принять приглашение. Очень попросил. Учитывая, что мне пообещали солидный гонорар, да и в Португалии я никогда раньше не бывал, я перезвонил первому собеседнику и объявил, что согласен. Вот и все.

– А этот ваш друг, видимо, представляет некую секретную службу вашей страны? – поинтересовался Дронго.

Брюлей насупил брови. Полез в карман за трубкой. Достал, посмотрел на нее и негромко выругался. Затем убрал трубку обратно.

– Так мне и надо, – негромко сказал он, – от друзей нельзя скрыть даже такие подробности. Как ты догадался? Только не ври, что знал заранее. Мы с ним говорили с глазу на глаз, гуляя в лесу.

– Среди гостей есть известный бизнесмен из России, – пояснил Дронго, – по моей информации, он достаточно тесно связан с российскими спецслужбами. Это раз. Недавно сюда прие-

хал и некий пан Шокальский, который, как я узнал, тоже в свое время сотрудничал с разведкой у себя в Польше. А потом появились вы. Таких совпадений не бывает. Или бывает?

– Не бывает, – согласился Брюлей, – именно поэтому меня сюда и позвали. Кроме чемпионата они собираются договориться о покупках новых технологий в области производства оборудования для атомных станций. Вообще этот чемпионат придуман скорее для неформального общения глав крупнейших корпораций с политиками и руководителями государств. Как, например, в Давосе в Швейцарии, – комиссар усмехнулся, – все катаются на лыжах, а потом вдруг резко падает курс франка или поднимается курс иены. Хотя у нас уже нет франка, – махнул он рукой, – скоро у нас все будет общее, не только деньги. Одно общее правительство, общие продажные журналисты, одни и те же американские актеры на экранах всех стран мира. И одинаковые гамбургеры в ресторанах любой из мировых столиц... Я превращаюсь в старого ворчуна, – вздохнул Брюлей и продолжил: – Теперь ты знаешь, почему я здесь. И не говори мне, что ты приехал случайно. Тебя нанял этот русский бизнесмен?

– Я вас удивлю. Я оказался здесь проездом. На самом деле я жду Джил, которая приедет через несколько дней.

– И я должен в это верить? – прохрипел комиссар.

– Я бы не стал вас обманывать, – Дронго смотрел ему прямо в глаза.

Брюлей фыркнул. Снова полез за трубкой. И снова убрал руку.

– Мне остается только поверить, – негромко сказал он, – и знаешь, что я тебе скажу? Настоящий профессионал всегда оказывается там, где он нужен. Даже если ты оказался здесь случайно, значит, так и должно было произойти. Теперь расскажи мне подробнее, что ты знаешь об этих господах, которые с таким любопытством наблюдают за нами. Давай начнем с поляков. Этим, похоже, мы особенно интересны, поскольку они все время смотрят в нашу сторону.

Дронго оглянулся.

– Смотрят, – согласился он, – но боюсь, я ничего не смогу сказать вам о пане Шокальском и его очаровательной спутнице. Сегодня я увидел их впервые в жизни...

Он не успел договорить. В зале раздался звон разбитого бокала. Все обернулись в сторону большого стола. Кэтрин, швырнув на пол салфетку, поднялась со своего места. Очевидно, она снова повздорила с супругой своего дяди. Адвокат Карнейро вскочил, надеясь уладить скандал, но Кэтрин уже направилась к выходу из ресторана. Вилари, пробормотав извинения, поспешил за ней.

Сильвия пыталась успокоиться, но было заметно, как у нее дрожат губы. Мануэль Сильва снисходительно улыбался. И только Фармер сохранял абсолютное спокойствие.

– По-моему, они не могут поделить этого старика, – пробормотал Дронго. Он увидел, как Сарычев подошел к Шокальскому и что-то быстро сказал тому. Поляк сразу согласно закивал головой.

– После ужина, – достаточно громко добавил Сарычев, и Шокальский снова кивнул.

«Здесь будет интересно, – подумал Дронго, – кажется, они все ненавидят друг друга».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Борьба с курением, превратившаяся в цивилизованных странах в настоящую войну против курильщиков, привела к тому, что запрет на курение был объявлен почти во всех авиакомпаниях, в публичных местах, ресторанах, барах, гостиницах. Для носителей этой вредной привычки отводились своего рода резервации, которых с каждым годом становилось все меньше и меньше. В отеле «Меридиан» для курящих был отведен специальный зал перед входом в гриль-ресторан. Здесь собирались гости отеля, предпочитавшие отдыхать в клубах сигарного дыма среди таких же любителей крепкого табака.

Комиссар, усевшись в глубокое кожаное кресло, с удовольствием достал свою трубку. Кроме Брюлея и Дронго в зале находился одинокий англичанин, со вкусом дымивший гаванской сигарой. Англичанин смотрел в окно и не проявил никакого интереса к гостям, расположившимся рядом с ним.

– Вы не скажете мне, кто именно предложил вам приехать сюда? – полюбопытствовал Дронго. – Я имею в виду не вашего друга, а одного из гостей отеля?

– Кто может вызвать комиссара полиции, хотя бы и бывшего? – хитро прищурился Брюлей. – Мне интересно твое мнение, Дронго?

– Конечно, не русские и не поляки, – улыбнулся Дронго, – они обычно предпочитают не связываться с полицией. К тому же обе пары имели связи со спецслужбами своих стран.

Джеймс Фармер привез бы с собой целую кучу собственных телохранителей и обратился бы к частному детективу. Его племянница, узнав о том, что я эксперт по вопросам преступности, очень огорчилась. Значит, она, во-первых, не хотела присутствия такого эксперта, а во-вторых, не знала о его появлении. Ее молодой муж вряд ли стал бы приглашать вас без согласия супруги.

Остаются трое – жена мистера Фармера, владелец отеля Мануэль Сильва и адвокат Карнейро. Владелец отеля готов сделать все, чтобы избежать любых сложных ситуаций на своей территории. Однако мне кажется, что он, зная ваш бескомпромиссный характер и репутацию, не захотел бы приглашать такого «неуправляемого» человека.

Сильвия боится только одного – лишиться наследства своего мужа. Она вполне могла обратиться к вам за помощью. Но я думаю, что в случае необходимости ей все же привычнее было бы нанять частного эксперта, чем бывшего комиссара полиции.

И наконец, адвокат Карнейро. У него наверняка есть связи с французской полицией и адвокатами. Его приезд мог заинтересовать ваши спецслужбы. Приглашение приехать в Португалию поступило к вам скорее всего от жителя этой страны. Иначе вас пригласили бы в Москву или Варшаву. Именно он, Карнейро, обратился к вам за помощью. Я прав?

– Конечно, – буркнул комиссар, – ты все просчитал верно. Этот адвокат нашел меня в Париже и попросил приехать в Алвор.

– Он сказал зачем?

– Объяснил, что опасается конкуренции со стороны русских и поляков.

– И только?

– Нет, не только... Он считает, что они могут помешать заключению соглашения между Фармером и его клиентом – владельцем отеля Мануэлем Сильвой. Ему было важно мое присутствие.

– Почему он не нанял частных экспертов? Или личную охрану?

– В отеле есть своя охрана, – пояснил комиссар Брюлей, – думаю, он опасается какого-то подвоха. Непредсказуемого поведения одного из конкурентов. Формально переговоры ведутся между португальцами, русскими и поляками – с одной стороны, и компанией мистера Фармера

– с другой. Причем Фармер всегда ведет все переговоры лично, не доверяя своим юристам. Он вызывает их, лишь когда соглашение практически достигнуто.

– Когда начнутся переговоры?

– Завтра утром. – Комиссар тяжело вздохнул. – Придется мне выступать в роли адвоката и охранника в одном лице.

Дронго хотел задать следующий вопрос, когда в курительный зал одновременно вошли Шокальский, Сарычев и Мурашенков. Напарницы поляка с ними не было. Увидев Дронго с комиссаром, Сарычев вежливо поприветствовал их, а Мурашенков вновь нахмурился.

Трое мужчин прошли в дальний угол и уселись за столик. Подскочившего официанта попросили принести коньяк. Мурашенков и Сарычев достали сигареты.

– Кажется, вас вызвали не напрасно, – тихо сказал Дронго, – по-моему, они собираются прийти к какому-то соглашению.

Было заметно, как нервничает Шокальский. Мурашенков говорил с ним о чем-то, настаивая на своем, и Шокальский все время очень тихо, но твердо ему возражал. Сарычев почти не вмешивался в беседу, лишь переводил тревожные взгляды с одного спорящего на другого.

– Ты понимаешь, о чем они говорят? – спросил комиссар.

– Вы видите затылком? – усмехнулся Дронго.

– Ты постоянно смотришь в их сторону, – пояснил Брюлей. – Я по твоим глазам вижу, как ты пытаешься услышать их разговор. Ты ведь знаешь русский язык. Или они говорят на польском? Все равно. Он должен быть похож на русский.

– Они говорят по-русски, – сообщил Дронго, – говорят достаточно тихо, так как понимают, что я могу их услышать. Мурашенков без конца предлагает варианты, а Шокальский отказывается. Полагаю, что они никак не могут договориться.

– И не договорятся, – проворчал комиссар, выпуская клубы дыма, – они конкуренты.

– У вас поразительная выдержка, – признался Дронго, – вы ни разу не повернулись в их сторону, даже не пошевелились. Такой выдержке еще нужно поучиться!

– Научись, когда будешь в моем возрасте. Если я начну на них оборачиваться, они поймут, что мы интересуемся их беседой. И, боюсь, тогда решат продолжить свой разговор в другом месте.

– Согласен, – кивнул Дронго.

В зал вошла спутница Шокальского. На вид этой высокой женщине с гибкой спортивной фигурой, коротко стриженными темными волосами и приятным лицом с заметно выделяющимися скулами было лет сорок. Однако для своего возраста она хорошо выглядела. Дронго даже отметил про себя, что очень хорошо...

Она внимательно окинула взглядом холодных серых глаз каждого из присутствующих в зале. Дронго подумал, что так входят в помещение сотрудники полиции или спецслужб. Незнакомка оглядела флегматичного англичанина, уже успевшего докурить свою сигару, посмотрела в сторону Дронго и неподвижно сидевшего комиссара. И лишь затем подошла к столику Шокальского. Когда она уселась на место – немного в стороне, как это обычно делают телохранители, Шокальский, полуобернувшись к ней, коротко представил напарницу своим русским собеседникам.

– Пани Томашевская, – сказал он так громко, что Дронго без труда расслышал имя. Больше поляк ничего не добавил, вероятно, решив, что и этого вполне достаточно. Кажется, Томашевская исполняла при нем роль своеобразного телохранителя.

– Вошедшая дама села чуть в стороне, не принимая участия в беседе, – комментировал Дронго происходящее, обращаясь к комиссару.

Тот понимающе кивнул, продолжая дымить.

Мурашенков, все более раздражаясь, доказывал своему собеседнику неоспоримость собственной позиции, но Шокальский парировал все его доводы. Они даже не заметили, как тон их беседы постепенно повысился, и Дронго начал улавливать отдельные слова.

– У вас... не получится... – горячился Мурашенков, – мы... стоимостью контракта... Вы только посредники...

– Европейское единство... – возражал Шокальский, – ваше присутствие на рынке...

Комиссар, сохраняя хладнокровие, не задавал Дронго никаких вопросов. Но спустя какое-то время тот сам, вспомнив о Брюлее, смутился.

– Извините меня, комиссар, – пробормотал он, – я увлекся их спором.

– Я жду, пока ты решишь сообщить мне, о чем именно они спорят, – спокойно сказал комиссар.

– Русские утверждают, что у поляков ничего не получится. Очевидно, делегация из Москвы способна выделить на сделку денег гораздо больше, чем могут предложить поляки. К тому же поляки не являются основными покупателями и выступают в качестве посредников. Шокальский говорит о европейском единстве, намекая, что подобный контракт не отдадут русским. Они продолжают спорить, не могут договориться.

Мурашенков заметно волновался. Он оглядывался на Сарычева и нервничал еще больше. Его явно беспокоила позиция Шокальского. Наконец он не выдержал.

– Ничего у вас не выйдет, Шокальский, – зло сказал Мурашенков, – в Европе нет такой компании, которая могла бы дать больше нас. Мы предложим в два, в три, в четыре раза больше и все равно станем победителями. При любом раскладе, Шокальский. Вы меня понимаете? При любом! Мы будем победителями.

Он поднялся. Сарычев вскочил вслед за ним. Шокальский со злорадством посмотрел на обоих.

– Только одно маленькое уточнение, пан Мурашенков, – мягко произнес он, хитро улыбаясь. – Я говорил о европейском единстве, но я не говорил, что мы представляем европейскую компанию. Мы всего лишь посредники. Быть может, мы представляем американскую корпорацию или японскую? А если нас послали арабы? Не кажется ли пану, что у него не хватит денег конкурировать со всем миром?

– Тогда мы придумаем что-нибудь другое, – зло пообещал Мурашенков и, повернувшись, пошел к выходу. Сарычев поспешил за ним.

Шокальский негромко пробормотал польское ругательство и взглянул на Томашевскую. Та пожала плечами.

Комиссар не обернулся и в этот раз, только спросил:

– Что там произошло?

Дронго подробно рассказал о случившемся.

– Похоже, настало время заглянуть к моему клиенту, – сказал комиссар, тяжело поднимаясь. – Пойду пообщаюсь с этим прохвостом Карнейро, который втянул меня в авантюру европейского масштаба.

Медленным шагом Брюлей покинул зал. Шокальский даже не посмотрел в его сторону. Он что-то быстро говорил пани Томашевской. Та молча слушала. Англичанин посмотрел на часы и встал, затем неспешно вышел из зала. Дронго услышал его негромкий голос из холла:

– Мои вещи уже в автомобиле?

– Да, мистер Райт, – ответил ему портье, – мы уложили ваш багаж в салон автомобиля. Вот ваши ключи, мистер Райт. И копия счета.

– Спасибо. – Англичанин, по всей видимости, уезжал.

Дронго в который раз подумал о своеобразии национальных традиций. Мистер Райт пришел сюда, чтобы выкурить любимую сигару. Он мог сделать это в салоне своего автомобиля, но предпочел спокойно завершить ужин и, пока будут грузить его багаж, пройти в зал, где

можно не торопясь покурить. Такой невероятный характер. Или для англичанина подобное в порядке вещей?

Дронго, улыбнувшись, поднялся со своего места. И в этот момент услышал, как Шокальский сказал Томашевской:

– Тогда мы его уберем, Илона.

Дронго сделал вид, что не понял этой фразы, произнесенной по-польски. Не оборачиваясь, он вышел из зала.

«Очаровательная напарница Шокальского, похоже, способна отравить или пристрелить любого нужного „клиента“, – подумал Дронго. – Выходит, пан Шокальский привез с собой профессионального „ликвидатора“? Но почему тогда Фармер так испугался? Ведь по логике вещей ни он, ни кто-либо другой не должен был бы знать напарницу Шокальского. А если он ее знает, то где и когда они успели познакомиться? Неужели именно такую опасность имел в виду Карнейро, когда поехал в Париж за комиссаром Брюлеем? Или есть еще другая опасность?»

Выйдя в холл, Дронго увидел, что невозмутимый англичанин усаживается в автомобиль и медленно отъезжает от гостиницы. Отель «Меридиан», как и любой другой отель высшего класса, проектировался с участием известных дизайнеров, архитекторов, которые не оставляют без внимания ни одну мелочь. Подъездные пути к отелю были устроены в виде живописных террас. Автомобили, прибывавшие сюда, поднимались по кругу – своеобразному серпантину, чтобы припарковаться или непосредственно рядом со входом, или поблизости – на террасах. По границам террас росли карликовые деревья и красиво цветущие кустарники, посаженные с таким расчетом, чтобы оттенять нижние парковки от верхних.

Дронго подумал, что англичанам в континентальной Европе приходится нелегко. Привычка к левостороннему автомобильному движению вместо принятого на европейских дорогах правостороннего могла бы привести к многочисленным авариям, если бы не известная пунктуальность и добросовестность жителей Туманного Альбиона. Это нация людей, которые не любят нарушать правила, в том числе и дорожного движения.

Когда англичанин уехал, Дронго подошел к портье:

– Вчера приехали мои друзья из Варшавы. Вы не назовете мне номер, в котором они остановились?

– Вы ошибаетесь, сеньор. Два номера, – улыбнулся портье, немолодой человек лет пятидесяти, – они занимают два соседних номера на третьем этаже. Рядом с вашим. Нужно им что-то передать? Кажется, я видел, как они прошли в зал перед гриль-рестораном. Разве вы их там не заметили?

«Какой глазастый портье», – разочарованно подумал Дронго.

– Наверное, я не обратил внимания, – пробормотал он.

– Да, – улыбнулся портье, – меня все спрашивают об этой паре. Многие считают, что они муж и жена. Но я думаю, что всех интересует скорее женщина, чем мужчина.

– И многие о них спрашивали? – насторожился Дронго.

– Многие, – уклонился от прямого ответа портье.

«Какой молодец, – восхитился Дронго, – настоящий сукин сын!»

Он достал пятидесятидолларовую бумажку.

– В нашей стране любят другие зеленые деньги, – очень тихо сообщил портье, – мы перешли на евро.

– Зеленые деньги? – не понял Дронго. Обычно «зелеными» называли доллары. И вдруг он догадался. И расхохотался. Конечно, зеленые! Цвета купюр достоинством в сто евро. Он заменил бумажку.

– Эта мне больше нравится, – доверительно сообщил портье, принимая деньги. – Кроме вас этой парой интересовались адвокат Карнейро, наш французский гость мсье Брюлей, сеньор Сарычев, мистер Фармер.

– Интересный список, – пробормотал Дронго, – надеюсь, что, когда вам кто-нибудь заплатит еще одну бумажку такого цвета, вы забудете назвать ему мое имя.

– Лучше получить ее немедленно, чтобы я его сразу забыл, – сообщил довольный портье. «Как он мне нравится!» – в который раз восхитился Дронго, доставая вторую купюру.

– Как вас зовут? Вы португалец?

– Мои предки – выходцы с Азорских островов, – улыбнулся смуглый портье, уже предвкушая вторую бумажку, – меня зовут Жозе Монтейру.

– Вы очень сообразительный человек, – качая головой, сказал Дронго, – но я думаю, что вторую купюру мне лучше оставить у себя. Ведь вы наверняка расскажете обо мне, когда получите следующую.

Эффектным жестом он спрятал купюру в карман. Портье шумно выдохнул воздух и неожиданно улыбнулся, показывая свои зубы.

– Вы настоящий психолог, сеньор, – восхищенно сказал он, – я бы все равно никому про вас не рассказал. Даже без этих денег. Остальные платили гораздо меньше. Карнейро и комиссар Брюлей не дали ничего, Фармер дал только пять долларов, а Сарычев – десять. Вы не знаете, почему богатые люди обычно бывают такими жадными? Я не имею в виду вас. Вы – настоящий сеньор.

– Спасибо, Жозе. Боюсь, я никогда не буду богатым человеком. Богачи умеют ценить деньги, а я умею их только зарабатывать и тратить. Ценить и хранить их я так и не научился.

Дронго вновь направился в зал для курящих и увидел выходящих ему навстречу Шокальского со спутницей. Пара прошла очень близко от него. Женщина, уловив приятный запах его парфюма, чуть усмехнулась.

Уже много лет Дронго пользовался только «Фаренгейтом», употребляя лосьоны, дезодоранты, мыло и кремы фирмы «Кристиан Диор». Иногда ему казалось, что запах «Фаренгейта» просто въелся в кожу, настолько привычным стал для него этот агрессивно-волнующий аромат.

Томашевская обернулась, чтобы посмотреть на Дронго. Ее спутник не заметил этого – он был по плечо своей напарнице. Дронго улыбнулся очаровательной пани, но она уже успела отвернуться.

Дронго вошел в зал и уселся напротив комиссара, вновь набивавшего свою трубку.

– Вы спрашивали про поляков у портье?

– Конечно, – ответил Брюлей, – хотелось поточнее узнать, кто эти люди. За ужином мистер Фармер несколько раз очень странно смотрел в их сторону. Мне было интересно, в каких номерах они живут. Оказалось, в разных. А я поначалу принял их за семейную пару.

– Я тоже, – признался Дронго, – но в даме есть что-то странное. Она больше похожа на переодетого спецagenta, этакое Джеймса Бонда в юбке. А он – на ее сутенера.

– И я так подумал, – усмехнулся комиссар, – именно поэтому поинтересовался, как они разместились. И еще я думаю, что нужно будет перезвонить в Париж – справиться, что есть в Интерполе на эту загадочную парочку. Заодно постараюсь узнать побольше и о русских, которые так некстати оказались здесь. – Он посмотрел на часы: – Извини, я устал. Мне лучше подняться к себе в номер. Я остановился на третьем этаже. А ты на каком?

– Тоже на третьем, – Дронго улыбнулся, – кажется, всех гостей разместили на одном этаже.

– Не сезон. В это время в отеле не бывает много народу, – согласился комиссар и, тяжело поднявшись из своего кресла, пошел к выходу. Дронго тоже встал, чтобы его проводить. – Не нужно, – отмахнулся Дезире Брюлей.

Дронго вернулся на место и попросил официанта принести ему чашечку чая. Он не спеша, с наслаждением пил ароматный чай, когда в зал вошла Илона Томашевская. Она успела переодеться. Теперь на ней были бежевая блузка и темная юбка чуть ниже колен с запахом.

«Макс-Мара», – отметил про себя Дронго. – Характерная для них гамма цветов. У этой пани определенно неплохой вкус».

Илона вошла в зал и сразу посмотрела в сторону Дронго. Собственно, никого больше в зале и не было. «Кажется, она собирается поговорить именно со мной», – подумал Дронго, вставая, когда женщина подошла к нему.

– Господин Дронго, если не ошибаюсь? – спросила она. По-русски она говорила с характерным польским акцентом, но достаточно чисто.

Он вдруг вспомнил Монику Эклер, польского дипломата, с которой познакомился несколько лет назад в Мадриде. Как давно это было!

– Разве мы знакомы? – спросил он несколько удивленно.

Сев в кресло напротив, она положила ногу на ногу и достала сигареты. Дронго опустился в свое кресло, ожидая ответа.

– А разве вы не Дронго? – спросила Илона.

– Меня обычно так называют, – согласился он, – но как вы меня узнали?

– Ваш запах, вернее аромат вашего знаменитого парфюма. Ваша характерная мягкая обувь и ремни от «Балли». О ваших пристрастиях, господин Дронго, известно, наверное, всему миру! И еще. Лично о вас... Я была чемпионом Европы по стрельбе и знаю, что у вас были достижения и в этой области...

– Чемпионом Европы я не был, – буркнул Дронго, которому было приятно слышать о себе такие слова.

– Вы самый известный эксперт по вопросам преступности в Европе, – продолжала Илона, – таких специалистов, как вы, можно посчитать по пальцам. В Европе вас трое: комиссар Дезире Брюлей, мистер Мишель Доул из Лондона и вы. Или я кого-то пропустила?

– Нет. Вы поразительно хорошо осведомлены. И о моих пристрастиях, и о ведущих экспертах...

– Два из которых оказались здесь, – быстро перебила она его.

– Два из которых случайно оказались здесь, – подчеркнул он четвертое слово.

– И поэтому вы «случайно» интересовались нами. А до вас портье расспрашивал мсье комиссар. Или это тоже «случайность»? – с улыбкой спросила пани Томашевская.

«Какой очаровательный негодяй этот Жозе Монтейру, – восхитился в душе Дронго, – успел ей сказать про меня. Неужели она заплатила больше моего?»

– Сколько вы ему дали? – неожиданно спросил он.

– Что? – не поняла женщина.

– Сколько вы ему заплатили, – поинтересовался Дронго, – только честно?

– Сто евро, – призналась Илона, – он сам назначил цену.

– Молодец! – Дронго рассмеялся. – Извините, я подумал про этого типа. Кажется, он неплохо зарабатывает на нашей подозрительности.

– Зачем вы сюда приехали? – спросила женщина, очевидно, не привыкшая к дипломатическим тонкостям. Она потушила сигарету. И почти сразу достала вторую.

– Я оказался здесь случайно, хотя, увидев комиссара Брюлея, вы можете мне не поверить. Действительно странно, что мы двое одновременно оказались в одном и том же месте – и именно здесь, на краю Европы. Но почему вы приехали сюда и в такой странной компании – с паном Шокальским?

– Он вам не нравится? – улыбнулась Илона.

– Пока не определился, но симпатий он у меня не вызывает. Наверное, это подсознательное чувство. Своего рода зависть к более удачливому самцу. Когда он появляется с вами, я чувствую себя не столь уверенно.

– Он не мой любовник, – жестко сообщила пани Томашевская, – если вы это имеете в виду.

– Нет. Я просто имел в виду, что вы очень красивая женщина.

– Здесь только одна красивая женщина, – возразила Илона, – Кэтрин Фармер, известная на весь мир актриса.

– Да, она очень красивая женщина, согласен, – сказал Дронго, – но лишь потому, что в вопросах женской красоты я достаточно толерантен. Мне нравится, когда присутствует многообразная цветовая палитра. Или вы думаете иначе?

Она закусила губу и слегка усмехнулась, по достоинству оценив его ответ. Стряхнула пепел своей сигареты. И вновь затянулась.

– Можно я задам вам тот же вопрос? – спросил Дронго. – Почему вы здесь?

– Вы не ответили на мой, – напомнила Илона.

– Я оказался здесь абсолютно случайно, – повторил Дронго. Он хотел добавить, что ждет свою жену, но тут же спохватился. О Джил не должен был знать никто в целом мире. При его известности он не смог бы гарантировать безопасность своей семьи. И потому он замолчал.

– В таком случае я тоже приехала отдохнуть в Алгарве, – зло парировала собеседница.

– Не обижайтесь, – попросил Дронго, – я ведь понимаю ваши чувства. Считайте, что нас вместе с комиссаром сюда пригласили. Тогда вам станет легче?

– Кто именно пригласил?

– Этого я вам не скажу. Теперь ваша очередь отвечать на мой вопрос. Зачем вы сюда приехали?

– Пан Тадеуш пообещал мне удивительный отдых на берегу океана, – усмехнулась она.

– Я видел, как вы входите в комнату, видел, как вы осматриваетесь в помещении, – сказал Дронго, – добавьте ваши слова о не совсем традиционном для красивой женщины увлечении стрельбой. И наконец ваши вопросы и ваша мгновенная реакция на слова портье... Вывод очевиден. Вы сотрудник спецслужб или офицер полиции?

– Я знала, что вы так и подумаете. Я работала в Министерстве внутренних дел. Четырнадцать лет...

– Сейчас не работаете?

– Нет. Уже несколько лет как не работаю. Ушла в девяносто девятом. Сейчас я частный детектив. Как вы, господин Дронго.

– Предположим. Тогда почему Фармер так вздрогнул, увидев вас? Или у него были свои интересы в вашем министерстве? Я не думаю, что польская полиция рьяно разыскивала столь известного миллионера. Или я ошибаюсь?

По лицу Илоны пробежала какая-то тень. Длинная струя дыма поднялась в воздух. Дронго терпеливо ждал.

– Я думала, что вы знаете... – сказала она.

В некоторые моменты полезно помолчать. Дронго знал, как разговаривать собеседника. Он умел слушать и говорить сам таким образом, чтобы втянуть в беседу и вызвать на откровенность любого. Но сейчас была нужна пауза. Илона молчала пять секунд, шесть, семь...

– Двадцать лет назад в Лондоне я участвовала в конкурсе красоты, – сообщила она, с силой потушив сигарету в пепельнице. – Мистер Фармер был генеральным спонсором этого конкурса. Ему было под шестьдесят. А мне только девятнадцать. Нужно говорить дальше, или вы все поняли?

– Тогда вы с ним и познакомились? – спросил ошеломленный Дронго.

Она кивнула.

– Здесь кто-нибудь знал, что вы приедете вместе с Шокальским?

Илона пожала плечами.

«Чем больше я узнаю, тем больше удивляюсь этой жизни и всем окружающим меня людям», – подумал Дронго.

– Я хотела, чтобы вы все услышали от меня, – сказала Илона, – ведь из-за меня вас, наверное, и позвали. И комиссара Брюлея тоже. Они думают, что я буду мстить... Как глупо. Фармер совсем старик. Хотя говорят, что супруга намного моложе его. Но он всегда любил молодых женщин.

– Тогда, в Лондоне, что-то произошло?

– Я заняла третье место, – сообщила Илона, – а больше ничего хорошего вспомнить не могу.

– Почему? – спросил Дронго.

– У меня были неприятности, – коротко сказала она, не став вдаваться в подробности. И, помолчав, добавила: – Кажется, я сказала вам все, что должна была сказать. До свидания.

Илона поднялась и, мягко ступая, вышла из зала. Дронго остался сидеть в своем кресле.

– Еще чашечку чая? – спросил официант.

– Нет, – покачал головой Дронго. Он посмотрел на часы, расписался на счете и направился к выходу.

У самого выхода Дронго беспокойно обернулся, – ему показалось, что на террасе за темными стеклами кто-то сидит и смотрит на него. Причем взгляд неизвестного направлен ему точно в затылок. «Может быть, выйти и посмотреть, кто сидит на террасе? – вдруг подумал он. – Или мне только кажется, что там кто-то есть? Уже довольно поздно...» Дронго повернулся и пошел к лифту.

Человек, оставшийся у него за спиной, чуть шевельнулся. Если бы Дронго вышел на террасу, то увидел бы полные холодной злобы глаза убийцы.

Дронго вошел в кабину лифта со смутным ощущением вины и ненависти, которое как будто стукнуло ему в голову, взявшись невесть откуда. Замысливший убийство уже заранее ненавидит не только того, кого он собирается убить, но и всех остальных, словно те виновны в его преступлении.

Убийца положил руки на столик.

Дронго поднялся на третий этаж и вышел в коридор. Здесь никого не было. Он достал ключ от своего номера.

Убийца поднялся из-за столика и вышел в холл.

Один из охранников, обходивших отель снаружи, увидел сквозь стекло в глубине холла неясные очертания чьей-то фигуры. Отсюда невозможно было разобрать, кто там проходил, – мужчина или женщина. Но охранник не стал приглядываться. Здесь много лет ничего не случилось. В Алворе даже пропажа курицы была чрезвычайным событием. И, зевнув, охранник пошел дальше.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Спускаться к раннему завтраку он не любил. Среди его постоянных привычек было неприятие плотных завтраков по утрам. Обычно он ограничивался чашкой чая с небольшим бисквитом или сухим шотландским печеньем. Приняв душ и тщательно побрившись, Дронго спустился вниз к одиннадцати часам, когда многие гости, позавтракав, уже выходили из ресторана.

Дронго обратил внимание, что на лужайке перед двумя автомобилями с открытым верхом уже столпились игроки в гольф. Погода была ясная, сухая, и любители этой аристократической игры собирались продолжить вчерашнюю партию. Среди мужчин, стоявших на лужайке, он разглядел Мануэля Сильву, невозмутимого и внешне холодного Джеймса Фармера, адвоката Карнейро. Дронго удивило присутствие на лужайке Сарычева и Мурашенкова. Очевидно, сегодня русские гости решили присоединиться к вчерашним игрокам.

Дронго вышел на террасу и, попросив официанта принести ему чашку чая, принялся наблюдать за собравшимися на лужайке.

Карнейро рассказывал какую-то смешную историю на английском, и все улыбались. Все, кроме Фармера. Фармер время от времени посматривал в сторону отеля. И в один из таких моментов из здания вышел пан Тадеуш Шокальский. Он был одет в серые мягкие брюки и темный пуловер, что говорило о его намерении тоже принять участие в сегодняшней игре.

«Брюлей сказал вчера, что они должны провести свое совещание утром, – вспомнил Дронго, – наверное, они собрались специально, чтобы обсудить свои вопросы за игрой в гольф. Или игра будет только прелюдией к серьезному разговору?»

Все шестеро мужчин разместились в двух автомобилях, которые тронулись в сторону зеленых полей. Дронго проводил их взглядом и услышал, как на террасу выходят Кэтрин Фармер и ее молодой супруг. Актриса была в темной длинной юбке, серой блузке и приталенном черном пиджаке.

– Так нельзя, Кэтрин, – успокаивал жену Энрико, – если мы сегодня уедем, будет настоящий скандал. Твой дядя обидится. Он ведь позвонил вчера вечером и попросил тебя задержаться.

– Я не желаю оставаться в одном отеле с этой дрянью ни секунды, – в сердцах заявила Кэтрин, – она меня ненавидит. Сильвия заставит Джеймса переписать завещание, вот увидишь, что все этим и кончится.

– Не нужно так громко, – обернулся на Дронго Вилари, – успокойся и не нервничай. Скоро день рождения твоего дяди. У него никого нет, кроме тебя...

– Поэтому он позволяет своей жене меня оскорблять? – снова повысила голос Кэтрин.

– Мне тоже не нравится эта дрянь, – досадливо поморщился Энрико. – И я тоже хотел бы как можно быстрее вернуться в Италию. Ты ведь знаешь, как больна моя мать. Но нужно потерпеть.

– Он переписет все деньги на свою дорогую женушку, – зло пообещала Кэтрин, – и я посмотрю, что ты тогда скажешь.

– Не кричи, – снова одернул ее муж, оглядываясь на Дронго. Кэтрин обернулась и увидела наконец, что они на террасе не одни.

– А, это снова вы, – сказала она недобрым голосом, не сулившим ничего хорошего, – вы опять «случайно» оказались рядом, мистер детектив?

– Вы детектив? – нахмурился Вилари.

– Нет, – ответил Дронго, – я всего лишь частный эксперт по вопросам преступности...

– Это одно и то же, – перебила его Кэтрин. Несмотря на утро, она выглядела достаточно ухоженной. Волосы были красиво уложены, глаза подведены. «Наверное, она взяла с собой собственную визажистку», – подумал Дронго.

– Нет, – мягко возразил он женщине, – не совсем. И не нужно так нервничать. Я сидел на террасе еще до вашего прихода и не мог знать, что вы сюда придете.

От него не ускользнуло, что Вилари явно смутился, услышав о его профессии. Было очевидно, что ему неприятно узнать о прибытии в отель детектива или частного эксперта. После слов Дронго Кэтрин взглянула на мужа, затем снова на Дронго.

– Мы хотели уехать на побережье, а вышли сюда, – пробормотала она. – Действительно, нелепо. Вы не могли знать, что мы здесь появимся. Извините меня. Кажется, я опять глупо сорвалась.

Одно из самых важных качеств умного человека – умение признавать собственные ошибки. Но когда свою неправоту признает красивая женщина, – этот жест ценнее вдвойне. Если вообще возможен. А уж извинения такой известной актрисы, как Кэтрин Фармер, – почти чудо. Ничто так не развращает людей, как слава и деньги. Дронго оценил ее тактичность.

– Ничего, – сказал он, – все в порядке. Я всегда восхищался вашим талантом, миссис Фармер.

– Мы поедем? – мрачно спросил Энрико. Он не скрывал своего негативного отношения к незнакомцу и не хотел даже разговаривать с ним. – Мне еще нужно забрать наши куртки. Здесь бывает прохладно по вечерам.

– Поедем, – кивнула Кэтрин. Уходя, она взглянула на Дронго и улыбнулась, словно извиняясь еще раз. Женщина оценила вовремя сказанный комплимент. Энрико ушел следом за женой, даже не попрощавшись.

Дронго увидел, как на террасу выходит, тяжело ступая, комиссар Брюлей.

– Куда отправились все эти типы? – прохрипел Брюлей, глядя вслед автомобилям, увозившим игроков подальше от отеля.

– Доброе утро, комиссар, – улыбнулся Дронго, – они уехали играть в гольф. Кажется, на дальней площадке. Если я понимаю что-то в этой игре, то постепенно они должны будут подходить все ближе к нам, чтобы завершить свое соперничество у лунок почти перед самым отелем.

Комиссар посмотрел в сторону дальней площадки.

– И мне нужно туда тащиться? – презрительно спросил он. – Или этот адвокат думает, что я буду бегать за ним с его клюшками, как это делают их помощники?

– Балкон вашего номера выходит на юг, – напомнил Дронго, – вы можете подняться наверх и следить за игрой оттуда.

– Надеюсь, они не перебьют друг друга, пока я выпью свой кофе, – пробормотал комиссар. – Утром я проверил, как все разместились. Два больших сюита на втором этаже занимают Джеймс Фармер с супругой и его племянница с мужем. Также на втором этаже поселили и русских гостей – в двух номерах по соседству друг с другом. На третьем этаже в двух сюитах живут хозяин отеля и этот адвокат. И еще поляки, номера которых находятся рядом с твоим. Забыл еще сказать, что около сюита Кэтрин Фармер живет ее визажистка. Ее зовут Луиза, и она француженка. Мы уже успели мило побеседовать.

– Сколько ей лет?

– Лет пятьдесят. Я думаю, Кэтрин в столь опасном возрасте, что не захотела бы иметь рядом с собой молодую и красивую визажистку.

– Кэтрин сама даст сто очков вперед любой молодой красотке, – возразил Дронго.

– Ты думаешь? – с сомнением спросил Брюлей.

– Уверен. Она потрясающе выглядит.

– Тебе виднее, – пробормотал комиссар. – Иногда я думаю, что эту часть жизни я как-то упустил. Ты знаешь, меня никогда не интересовали молодые кокетки или стареющие актрисы. Я всегда был загружен работой по горло. А может, потому, что слишком много знал о человеческой породе и о женщинах, с которыми сталкивался во время своих расследований. Хотя ты тоже много знаешь об этих женщинах. И тем не менее женщины продолжают тебе нравиться. Или ты скажешь, что раньше было другое время?

– Время всегда другое, – ответил Дронго, – но я думаю, не поэтому. У вас была любимая работа и была цель. И еще была страна, которой вы служили по мере своих сил. А у меня всего этого нет. Вот в чем разница между нами, мой дорогой Брюлей. У меня масса свободного времени, и я принадлежу только самому себе, в отличие от вас. Вы всегда были на государственной службе.

– Ты жалуешься? – спросил комиссар.

– Не знаю. Иногда кажется, что да. Я не думал, что все кончится так глупо. Когда меня приглашали для сотрудничества в Интерпол или в комитет экспертов ООН, я отправлялся туда с гордостью, зная, что представляю в этих организациях свою страну. А теперь я предоставлен сам себе и не могу понять, хорошо это или плохо. Во всяком случае, я немного завидую вам.

Брюлей молчал. Он достал трубку, оглянулся по сторонам, словно уточняя, можно ли курить на свежем воздухе. И начал набивать трубку табаком.

– Человек делает свое дело независимо от обстоятельств, – задумчиво произнес он, – но может, ты и прав. На самом деле мне, конечно, было легче. Я был на службе у государства и действовал от его имени. За мной стояла вся административная машина Франции, все полицейские моей страны призваны были мне помогать. Мне не приходилось задумываться, нравлюсь я кому-либо или нет. Я лишь должен был хорошо выполнять свою работу. У частного эксперта другая задача. Ты обязан нравиться своим клиентам, немного угождать им и действовать всегда в одиночку, не рассчитывая на помощь полиции. Я не очень тебя обидел этими словами?

– Не очень, – ответил Дронго, – вы сказали правду. Именно поэтому у меня есть время замечать красивых женщин. И мне не всегда нравится то, чем я занимаюсь. Порой приходится иметь дело с мерзавцами, которым я не подал бы руки. Нужно терпеливо выслушивать их сентенции, ожидая, когда они соизволят объяснить причину своего визита... И жить одному, без своей страны, потерянной для меня, и без той работы, которую я сам себе выбирал...

Он не успел договорить. Его перебил неожиданно раздавшийся пронзительный женский крик. Комиссар поморщился, будто у него заложило уши. Крик продолжался. Дронго поднял голову. Прямо над ними на балкон второго этажа выбежала горничная, которая громко звала на помощь.

– Сокорру, – взывала она, поднимая руки к небу.

На португальском это был крик о помощи.

В холле забегали люди. Дронго вскочил со своего стула. Комиссар опрокинул набитую табаком трубку в пепельницу. И тоже быстро поднялся.

– Вот и все, – сказал он, – кажется, из меня тоже не получился частный детектив. Помоему, мы с тобой проморгали убийство. Или что-то в этом роде.

Они поспешили в холл, где им встретился бледный, с гримасой ужаса на лице Жозе Монтейру.

– Там... там убийство, – проговорил он, задыхаясь.

Несколько человек уже спешили к лифту.

– Пропустите, – громко приказал комиссар, и все почтительно расступились. Дронго с комиссаром вошли в кабину и поднялись на второй этаж.

В коридоре толпились испуганные горничные. У открытой двери в один из номеров-люкс стояла женщина с растрепанными волосами. Она была в халате отеля. Указывая внутрь сюита,

женщина сдавленно произнесла несколько слов по-французски. Комиссар кивнул и вошел в номер. Дронго поспешил за ним. Стоявшая на балконе горничная плакала. На кровати, уткнувшись лицом в покрывало, лежала женщина. Вокруг ее тела расплывалось большое красное пятно.

Комиссар подошел ближе и, наклонясь к жертве, осмотрел тело, не дотрагиваясь до него.

– В нее стреляли, – сказал он.

– Не может быть, – тихо произнес Дронго, всматриваясь в тонкое покрывало, впитывающее кровь, – я сидел внизу, почти под самым номером. Если бы в нее выстрелили, я бы наверняка услышал.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, кто именно лежал на постели. Не было никаких сомнений, что убийца выстрелил в супругу мистера Фармера – Сильвию.

– Дева Мария, – шептала потрясенная горничная, – у сеньор подэ ажудар мэ?

– Что она говорит? – спросил Брюлей.

– Просит о защите, – пояснил Дронго, – она думает, что ее могут обвинить в этом преступлении.

– Скажи, чтобы она позвала врача, – приказал комиссар, – и узнай, где находится полицейский участок. Ты говоришь по-португальски?

– Нет, – ответил Дронго, – но я хорошо знаю итальянский, он похож на испанский и португальский. Хотя на португальский гораздо меньше. Сейчас попробую.

– Шамэ у медику, – попросил он горничную вызвать врача и задал вопрос: – Ондэ фика а ишку адра пулисыял?

Он уточнил, где находится полицейский участок, и женщина сразу ответила:

– Алвор.

– Что вам здесь нужно? – услышали они за спиной.

Дронго обернулся. На пороге стоял высокий худой мужчина в элегантном сером костюме. Из нагрудного кармана пиджака торчал кончик темно-синего платка в тон галстуку. Редкие седые волосы, худое лицо с глубокими морщинами, дергающийся от волнения левый глаз... Но его английский был безупречен.

– Хосе да Кунья, – представился вошедший, – менеджер отеля.

– У вас произошло убийство, – сказал Дронго.

– Я вижу, – мрачно ответил менеджер, – а что вы здесь делаете? Кто вы?

– Я комиссар Дезире Брюлей, а этой мой друг и напарник, сеньор Дронго, – сообщил Брюлей по-французски, но да Кунья его понял. Менеджеры в отелях подобного уровня, как правило, хорошо знают несколько европейских языков.

– Простите, комиссар, но я думаю, будет лучше, если мыждемся полиции и ничего не будем трогать, – предложил да Кунья.

– Разумеется, – согласился Брюлей, переходя на английский, чтобы их понял и Дронго, – только спросите у вашей горничной, что она видела и слышала?

Менеджер спросил у несчастной пожилой женщины, что произошло. Женщина сбивчиво рассказала.

– Она говорит, что ничего не видела и не слышала. Сначала она постучала, затем вошла в номер. Осмотрела ванную комнату и прошла в спальню, где увидела убитую женщину. Тогда горничная сразу выбежала на балкон и закричала.

– Сколько времени она находилась в коридоре, убирая номера в этой части отеля? – уточнил комиссар.

Менеджер перевел и выслушал ответ.

– Уже полтора часа, – пояснил он.

– И «ничего не видела и не слышала»? Может, все же она заметила, как сюда кто-то входил?

Да Кунья перевел и удивленно поднял бровь. Дронго разобрал, что именно сказала горничная, но терпеливо ждал, пока менеджер переведет ее слова на английский язык.

– Она видела, как отсюда выходила немолодая женщина из другого номера. Женщина была в белом халате отеля. Она приехала с племянницей мистера Фармера. Это ее визажистка.

– Ясно, – нахмурился Брюлей, искоса поглядев на Дронго.

Тот пожал плечами. Ясно? По его мнению, ситуация становилась все более запутанной.

– Пропустите, – раздался крик из коридора, – пропустите нас!

В номер вошли Джеймс Фармер и еще несколько мужчин, – все, кто находился вместе с ним на поле для гольфа. Хозяин отеля Мануэль Сильва, не в силах успокоить дыхание, уставился на мертвое тело. Адвокат Карнейро, внимательно посмотрев на лежавшую в крови женщину, перевел взгляд на Брюлея и покачал головой, словно комиссар должен был обеспечить безопасность несчастной. Мурашенков, только глянув в сторону кровати, отвернулся. А пан Шокальский тяжело вздохнул и прошептал какую-то католическую молитву.

Фармер молчал. Он словно окаменел, глядя на погибшую супругу. Подобная сцена может остаться в памяти на всю жизнь, отравляя существование человека даже в его снах. Фармер сжал тонкие губы. Сделал несколько шагов и остановился перед кроватью. Он не кричал, не плакал, не прикасался к телу убитой. Он молча смотрел на труп Сильвии.

– Извините меня, – нарушил гнетущую тишину комиссар, – я думаю, будет лучше, если мы все отсюда выйдем и подождем приезда полиции.

Он посмотрел на Фармера, ожидая, когда тот выйдет. Но Джеймс Фармер был сильным человеком. Или безразличным. Он снова посмотрел на труп жены и взглянул в глаза Брюлею.

– Кто? – спросил он. Кажется, это было главным, что его интересовало.

– Не знаю, – ответил Брюлей, – мы пришли, когда все было кончено.

Фармер еще несколько секунд смотрел ему в глаза, затем повернулся и вышел из комнаты. Все остальные мужчины тихо вышли за ним.

Брюлей взглянул на Дронго.

– Теперь я буду твоим напарником, – тяжело вздохнув, сказал он, – и нам предстоит найти убийцу. Если, конечно, Сильвия не самоубийца. Но здесь нет оружия. Я его не вижу. И я еще не видел ни одного самоубийцы, который падал бы лицом в постель после того, как выстрелил себе в сердце.

– Я думаю, нам нужно начать с визажистки, – напомнил Дронго, – если полицейские узнают, что она сюда входила, несчастную сразу арестуют. Всем были известны натянутые отношения между Сильвией и племянницей ее мужа.

– Нам нужно поговорить с ней до того, как сюда приедет полиция, – согласился Брюлей, – пойдем, Дронго. Мы с тобой оказались не готовы к такому развитию событий.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Они вышли в коридор, где толпилось множество людей. Комиссар поманил к себе визажистку и что-то тихо шепнул ей. Она посмотрела на него и медленно кивнула в знак согласия.

– Ты не будешь возражать, если я побеседую с ней без свидетелей? – спросил комиссар.

– Конечно нет, – ответил Дронго, – я думаю, так будет лучше. Мне неудобно вам напоминать, но у нее достаточно сложное положение. Ведь она визажистка Кэтрин, а все слышали, как ссорились Кэтрин и погибшая Сильвия.

– Я с ней поговорю, – пообещал комиссар, – только не нужно сразу делать выводы. Эта несчастная женщина и без того напугана случившимся. Кстати, узнай, не вернулись ли назад Кэтрин и ее супруг. Они, кажется, выехали из отеля совсем недавно.

– Да, – подтвердил Дронго, – они отошли от меня за несколько секунд до вашего появления.

– Вот поэтому и узнай, – попросил Брюлей.

Дронго прошел по коридору. Остановился рядом с Мурашенковым и Сарычевым.

– Какое несчастье, – осторожно сказал Сарычев, – кто мог подумать, что она застрелится.

– Почему вы так решили? – поинтересовался Дронго.

– Ее же не могли убить, – испугался Сарычев, глядя на молчавшего Мурашенкова, – или вы думаете иначе?

– Мне кажется, ее застрелили, – признался Дронго.

– Что? – еще больше испугался и удивился Сарычев. – Что вы такое говорите? Кто мог ее убить? Отель охраняется, вокруг полно людей.

– Подождите, – требовательно приказал Мурашенков, взглянув на Дронго, – вы считаете, что это убийство?

– Мне кажется, что безусловно. Иначе нужно допустить, что она выстрелила себе в сердце, затем спрятала куда-то пистолет и упала на постель, чтобы эффектно умереть.

– Ценю ваш юмор в такой ситуации, – хмуро парировал Мурашенков, – но кто мог это сделать?

– Если бы я видел, то обязательно сообщил бы об этом ее мужу.

– А кто ее нашел?

– Горничная. Она закричала, а я как раз в это время сидел под балконом на террасе.

Мурашенков оглянулся на толпу, стоявшую у дверей сьюита, который занимали Фармеры.

– Давайте отойдем, – предложил он.

Втроем они спустились в холл первого этажа. Перед стойкой портье было расставлено несколько кресел.

– Садитесь, – показал на них Мурашенков. Было заметно, что он привык отдавать распоряжения.

Но Дронго сначала подошел к портье. Вместо Жозе за стойкой он увидел молодую женщину.

– Сеньора Кэтрин Фармер не вернулась? – спросил он.

– Нет, сеньор, – испуганно ответила женщина, – они с сеньором Вилари уехали.

Дронго вернулся к креслам, где уже расположились Мурашенков и Сарычев. Первый снял очки и протер стекла. Затем обратился к Дронго:

– Мы ушли вшестером примерно в одиннадцать часов утра. Если исключить сотрудников отеля, горничных, служащих, охранников и обычных гостей, то из людей, знавших Фармера и его жену, в здании оставалось несколько человек. Ваш знакомый мсье Брюлей, польская спут-

ница пана Шокальского, Кэтрин Фармер со своим мужем и их визажистка. Значит, у нас только пятеро подозреваемых, если не считать вас, господин Дронго.

Этому человеку нельзя было отказать в логике. Но Дронго улыбнулся и покачал головой.

– Нет, – сказал он, – не совсем так, как вы полагаете. Вы правильно решили насчет сотрудников отеля. Вряд ли мы можем подозревать кого-нибудь из них. Здесь работают в основном выходцы из небольшого Алвора, а там все друг друга знают: многие находятся в родственных отношениях или дружат семьями.

Но есть еще одно очень важное обстоятельство, которое вы не учли. Дело в том, что я сидел под балконом и мог услышать выстрел, если бы убийца выстрелил после того, как я появился на террасе. Но я ничего не слышал. Похоже, что женщину убили раньше. Учитывая, что здесь достаточно влажная и теплая погода, характерная для южного побережья Алгарве, можно предположить, что убийство было совершено примерно час назад. Тело еще не успело остыть, а кровь – впитаться в постель. Получается, что в ваших расчетах есть одно неучтенное обстоятельство.

– Какое? – быстро спросил Мурашенков.

– Вы шестером вышли на лужайку перед зданием отеля, чтобы отправиться играть в гольф. Все видели, как вы собираетесь вместе. Это было бы великолепным алиби для всех шестерых. Однако один из вас мог войти в номер к Джеймсу Фармеру, выстрелить в его жену и лишь затем спокойно спуститься вниз, зная, что алиби ему обеспечено. Таким образом, мы можем подозревать еще пятерых, если не считать вас, господин Мурашенков, – вернул слова своего визави Дронго.

Арсений Викторович помолчал. Затем негромко сказал:

– А вы злопамятны.

– Нет. Я обязан рассмотреть все варианты. И в этом случае у нас не пятеро подозреваемых, а двенадцать. Две команды по шесть человек. И среди этих двенадцати может оказаться конкретный убийца, который выстрелил в Сильвию Фармер. Хотя одного человека я бы наверняка исключил.

– Себя? – иронично осведомился Мурашенков.

– Нет, – Дронго не стал подыгрывать своему собеседнику, – бывшего комиссара французской полиции мсье Дезире Брюлея. Я скорее поверю, что сам застрелил эту женщину, чем стану подозревать этого человека.

– Хорошо, – подумав, согласился Мурашенков, – вы и он не знали Фармера до приезда сюда. Будем считать, что у вас не было никаких мотивов. Хотя вас могли нанять для убийства. Но предположим... Тогда остается восемь человек. Я исключаю польскую спутницу пана Шокальского и визажистку Кэтрин Фармер.

– Я бы не стал их исключать, – неожиданно сказал Дронго.

Сарычев вздрогнул.

– Какой вы странный человек, – сказал он, – с вами трудно разговаривать. Почему вы подозреваете этих женщин?

– Пани Томашевская знала Фармера еще до того, как вы с ним познакомились, – пояснил Дронго, глядя в глаза Мурашенкову. Тот воспринял сообщение внешне спокойно, но было заметно, как дрогнули зрачки его глаз. Даже стекла очков не могли скрыть того, что он нервничает.

– А французская визажистка оказалась последней, кто входил к убитой, – привел второй довод Дронго и снова заметил, как сузились глаза Мурашенкова. Арсений Викторович явно не был готов к двум таким фразам.

– Тогда выходит, это она убила Сильвию, – растерянно предположил Сарычев.

– Погодите, Николай Андреевич, – нервно дернулся Мурашенков. – Откуда вы все так быстро узнали? Вы специально следили за семьей Джеймса Фармера? Зачем вы сюда приехали? Вас кто-то прислал?

– У меня такая профессия – все узнавать, – напомнил Дронго, – и не нужно так нервничать. Вы все еще полагаете, что меня наняли ваши конкуренты?

– Кстати, насчет конкурентов, – напомнил Мурашенков, – вы знаете, кто вышел последним к нам на лужайку? Кого мы все ждали?

– Знаю. Тадеуша Шокальского.

– Пан Шокальский имел все основания не любить семью Фармера, – задумчиво сказал Мурашенков.

– Как и вы Шокальского, – напомнил Дронго, – я был свидетелем, как вы вчера спорили.

– Это не имеет никакого отношения к убийству Сильвии Фармер, – жестко заметил Мурашенков, повышая голос. Впервые он не выдержал и сорвался на крик.

– Не кричите, – так же жестко одернул его Дронго, – я не ваш подчиненный, и здесь не ваш офис. Я имею право высказывать любые предположения. Например, даже такое безумное: вы знали, что Шокальский спустится позже всех, и сделали все, чтобы специально его подставить. Возможно, даже оставили пистолет в его номере.

– Вы сумасшедший! Мы конкуренты, но зачем нам убивать жену Фармера? Скорее мы перестреляли бы друг друга. – Мурашенков сделал движение, намереваясь подняться, затем неожиданно рассмеялся: – Как здорово вы вывели меня из себя! И разговорили. А я считал себя гораздо устойчивее. Отдаю должное вашему умению.

У здания отеля резко затормозили несколько автомобилей. В холл ворвались сотрудники полиции. Вбежавшие полицейские поспешили на второй этаж.

– Все наши споры закончились, – нервно произнес Мурашенков, – ружье, висевшее на стене, должно было выстрелить. Теперь сотрудники полиции быстро установят, кто именно выстрелил в несчастную женщину. Хочу обратить ваше внимание, что у меня нет и не было оружия. Хотя бы потому, что я летел через Англию, и мне было бы невозможно пройти проверку в аэропорту, имея пистолет в своем багаже. Вам не кажется, что ситуация предельно простая? Искать нужно человека, способного привезти с собой оружие.

– Это не алиби, господин Мурашенков, – возразил Дронго, – достать оружие не так сложно, как вам кажется.

– У нас бесполезный разговор, – поднялся Мурашенков, – вы считаете меня убийцей? Зачем мне нужно было убивать супругу мистера Фармера? Это чудовищный бред.

– Лучший способ сорвать переговоры, – заметил Дронго, – вчера вы узнали, что Шокальский представляет серьезных конкурентов...

– Я полагал, что подслушивать чужие разговоры неприлично.

– Когда вы срыгаетесь на крик, вас могут услышать...

Мурашенков взглянул на Сарычева. Тот поднялся под его взглядом. Они повернулись и пошли по коридору.

Дронго смотрел им вслед, когда над его головой раздался голос:

– Неприятные господа эти гости из Москвы. Шокальский жаловался, что они готовы на все, чтобы получить контракт...

Дронго поднял голову. Рядом с ним стояла пани Илона. Он тоже встал.

– Вы слышали, что произошло? – спросил Дронго.

– Убили Сильвию, – пожала плечами Илона. Она сказала это так, словно в случившемся не было ничего особенного.

– Откуда вы узнали?

– Горничная орала на весь отель, – объяснила она, – я ничему не удивилась. В таких местах всегда случаются какие-нибудь жуткие трагедии. Когда здесь столько знаменитостей,

должна произойти какая-нибудь пакость. Чем выше статус людей, чем они богаче, тем больше гадостей можно найти в их прошлой жизни.

– Интересная теория, – ответил Дронго, – вы знаете, что Сильвию застрелили?

– Ну и что? Конечно, застрелили. Эти миллионеры бывают еще и большими трусами. Я правильно сказала по-русски?

– Ударение нужно ставить на первом слоге, а не на втором, – улыбнулся Дронго.

– А вы хотели, чтобы убийца задушил Сильвию своими руками? Или перерезал бы ей горло?

– Вы так спокойно говорите об этом потому, что работали много лет в полиции или вы вообще циник по жизни?

– И то, и другое, – ответила Илона, – я циник, потому что много лет работала в полиции, и работала там столько лет, потому что я циник. Вас устраивает такой расклад?

– Сильвию застрелили, – вернулся к первоначальной теме Дронго. – Я бы на вашем месте подумал, кому это выгодно.

– Я уже думаю, – призналась Илона. – Боюсь, что среди подозреваемых будут гости нашего отеля.

– И пан Шокальский в том числе?

– Нет, – чуть замешкавшись, сказала она, – он не входит в круг моих подозреваемых. Он способен соблазнить Сильвию или обмануть ее мужа. Но на убийство не пойдет. Нет, нет, это не он.

– В таком случае это могла быть женщина, – сказал Дронго, глядя ей в глаза. – Женщина, которая ненавидела мужа Сильвии. Которая приехала сюда непонятно зачем с одним из оппонентов Джеймса Фармера. И появление которой столь очевидно вывело мистера Фармера из себя. Достаточно или продолжать?

– Продолжайте. – Рослая Илона смотрела ему прямо в лицо, не мигая и не отводя глаза.

– Добавьте еще один немаловажный факт, – Дронго не стал выдерживать эффектную паузу, – мы с вами единственные здесь, кто хорошо владеет оружием. Вам не кажется неприятным такое совпадение?

– Вы думаете, что я убила Сильвию из ревности? Или из мести? – Она рассмеялась, продемонстрировав красивые здоровые зубы. – Зачем мне нужно было в нее стрелять? Я скорее пристрелила бы самого Фармера за все, что я из-за него пережила. А его несчастная жена мне ничего плохого не сделала.

– Я могу узнать, почему вы так не любите Джеймса Фармера?

Она оглянулась – мимо них спешили врачи, прибывшие позже полицейских. Илона чуть посторонилась, пропуская людей в белых халатах.

– Вчера я вам уже все сказала. – Ей был неприятен подобный поворот в разговоре.

– Вы сказали, что познакомились с Джеймсом Фармером двадцать лет назад. И больше ничего. Я могу узнать, почему вы его так ненавидите? Или я ошибаюсь?

– Не ошибаетесь. Он был спонсором конкурса красоты в Лондоне.

– Это вы уже говорили. Очевидно, он был не только спонсором, но и успел познакомиться с вами гораздо ближе, чем требовалось по правилам соревнований?

– А разве бывает иначе? – Она горько усмехнулась, и Дронго подумал, что она действительно циник. – Конечно, мы сблизились. Вспомните, что было в моей стране двадцать лет назад. Ярузельский произвел военный переворот, все лидеры «Солидарности» были отправлены в тюрьму. Меня с трудом выпустили в Лондон, не хотели отпускать. Это был мой шанс. Я так хотела остаться на Западе и никогда не возвращаться в Польшу! И конечно, обрадовалась вниманию Фармера. Он был тогда такой представительный и красивый! Но очень холодный. Он всегда был холодным эгоистом. Я сейчас думаю, что нужно быть именно таким, чтобы сде-

лать себе огромное состояние. Человеком, которого не трогают радости и горе других людей. Бездушной машиной.

– Кто-то из великих сказал, что остаться счастливым на протяжении всей жизни можно при наличии хорошего пищеварения, бесчувственного сердца и абсолютного отсутствия совести, – негромко напомнил Дронго.

– Это так, – согласилась Илона, – это самая точная характеристика Джеймса Фармера. Он в жизни никого не любил. Я думаю, он и Сильвию не любил. Для него она была очередной новой «игрушкой».

Она замолчала и вдруг, тряхнув головой, продолжила:

– Я была тогда глупой девочкой. Для меня он был небожителем... В общем, мы с ним дважды встречались наедине в лондонском «Ритце». Он заказывал мне номер, присылал цветы, шампанское. И это после голодной Польши, где не хватало продуктов. Я совсем потеряла голову. И конечно, не предохранялась, – считала, что мне нечего бояться. В те времена мы даже не слышали о такой болезни, как СПИД.

Дронго терпеливо ждал. И наконец, она сказала:

– По условиям конкурса все победительницы соревнований получали в качестве призов контракты с рекламными агентствами. Я тоже должна была остаться в Лондоне. Казалось, мои мечты сбываются. Но через полтора месяца выяснилось, что я беременна. Ни о каком участии в рекламных мероприятиях уже не могло быть и речи. Скандал получился грандиозным. Со мной разорвали контракт. Наше посольство приняло решение выслать меня обратно в Польшу. Я умоляла Фармера мне помочь, но он даже не захотел со мной разговаривать...

Она достала сигареты.

– Здесь нельзя курить, – напомнил Дронго.

Илона чертыхнулась и убрала пачку.

– Меня вернули в Варшаву, – продолжала она, – отняли у меня все призы, разорвали контракты... – Она помолчала, словно решая, говорить следующую фразу или нет. А затем произнесла: – И вдобавок ко всему у меня случился выкидыш. Видимо, из-за шока после всех переживаний... Это был мальчик... – Она снова достала пачку сигарет, и на этот раз Дронго ничего не сказал. – С тех пор у меня больше не было детей, – сообщила она напоследок и, отвернувшись, вынула из пачки сигарету. – Извините меня, – тихо произнесла Илона, отходя от Дронго.

В этот момент в коридоре, у лестницы, произошло какое-то движение. Несколько местных журналистов и служащих отеля бросились в ту сторону. По лестнице спустились Джеймс Фармер и хозяин отеля Мануэль Сильва. Они стояли в окружении охранников и сотрудников гостиничных служб. Дронго посмотрел на Фармера. Тот был по-прежнему невозмутим и спокоен. И Дронго подумал, что все рассказанное Илоной – правда. В ту же секунду Фармер поднял глаза на Дронго. Их взгляды скрестились. Очевидно, рассказ Илоны вызвал в подсознании Дронго некие ассоциативные воспоминания. Он мрачно смотрел на Фармера. Гораздо более мрачно, чем человек, несколько минут назад потерявший свою жену, – на самого Дронго.

Фармер не выдержал и первым отвел глаза. И тут же прошел дальше.

«Такой человек мог сам оказаться убийцей», – неожиданно для себя подумал Дронго.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Сотрудники полиции продолжали допрашивать всех гостей отеля, когда Дронго снова вышел на террасу перед зданием. Подойдя к столику, за которым он сидел несколько часов назад, Дронго поднял голову. Отсюда до балкона того номера, где застрелили Сильвию Фармер, было метров пять. Или четыре. Он подумал, что в любом случае должен был услышать выстрел, если бы тот произвели во время его пребывания на террасе.

«Значит, выстрел прозвучал раньше, – решил эксперт. – Но этого не может быть!» Ведь визажистка посетила номер прямо перед появлением там горничной. А та, увидев убитую, сразу же с криками выбежала на балкон, под которым в это время как раз сидели Дронго с комиссаром.

Конечно, убийца мог использовать глушитель, но тогда получается, что здесь действовал профессиональный киллер, знакомый с устройством глушителя. «Какое непонятное убийство!» – зло подумал Дронго. Самое обидное было в том, что главными свидетелями этого убийства невольно оказывались сам Дронго и комиссар Брюлей.

«Куда пропал комиссар?» – с нарастающим раздражением размышлял Дронго. Он посмотрел на лужайку, где несколько часов назад собирались игроки в гольф. Потом прикрыл глаза и попытался вспомнить...

«Когда я вышел на террасу, возле автомобилей уже находились Фармер, Сильва и адвокат Карнейро. Потом подошли Мурашенков и Сарычев. Последним явился Шокальский. Неужели Шокальский? Нужно будет узнать, почему он опоздал. Если поляк заинтересован в контракте, то должен понимать, что нельзя опаздывать на подобные randevu.

Так. Значит, он опоздал. Что было потом?

Появились Кэтрин с мужем. Они сделали вид, что не заметили меня, и разыграли сцену раздражения. Если они разыграли ее специально для меня, – тогда все понятно. Они застрелили Сильвию и спустились вниз. После громкого выяснения отношений, которое я должен был запомнить, чтобы потом подтвердить их присутствие на террасе, они уехали из отеля. Чтобы точно гарантировать себе алиби? Или действительно отправились на прогулку?

Затем в номере появляется эта визажистка. Может быть, ее тоже используют, чтобы обеспечить алиби хозяевам? Идеальное убийство, в котором продуманы все мелочи. Супруги выходят на террасу, устраивают нарочитый скандал, а их визажистка в этот момент отправляется в номер, где находится уже убитая Сильвия Фармер. Тогда все совпадает.

За исключением одной детали.

Если убийство планировалось совершить именно таким образом, то Кэтрин Фармер должна была понимать, насколько серьезными будут обвинения, выдвинутые против ее визажистки. Обеспечив абсолютное алиби своим хозяевам, сама она невольно подставляла себя под подозрение следователей, так как оказывалась последним человеком, который видел Сильвию живой.

«Не получается, – разочарованно подумал Дронго. – Нужно понять, почему визажистка оказалась в комнате Сильвии. И если супруги продумали план убийства в мелочах, то как же они не учли положения самой Луизы? Не получается».

Для идеального расследования нужно, чтобы следователь хорошо знал каждого из подозреваемых, но такое возможно только в том случае, если преступление совершено кем-то из близких или знакомых самого сыщика. А поскольку подобное встречается очень редко или, лучше сказать, почти никогда, то главная задача любого лица, расследующего преступление, – очертить круг знакомств жертвы и собрать как можно больше фактов о прежней жизни основных подозреваемых. Выявив мотивы преступления, можно вычислить и самого преступника.

Особенно тщательно нужно проверять мотивы при заказных убийствах. Мотивы убийства должностного лица, как правило, бывают связаны со служебной и финансовой деятельностью жертвы. И здесь важно выяснить круг людей, чьи интересы пересекаются с интересами погибшего. Можно не найти конкретных исполнителей, выйти на которых при заказных убийствах бывает достаточно сложно. Но установить мотивы и возможных инициаторов преступлений гораздо легче. В каждом нашумевшем заказном убийстве – будь то гибель известного журналиста, бизнесмена, политика или ученого, почти всегда ясны мотивы, а значит, и главные виновники. Так что нераскрытые заказные убийства – лишь результат беспомощности следователей перед людьми, которые могли сделать преступный заказ. Ведь почти всегда следователи знают, кто именно выступал в этом качестве. Но политические соображения и слабая позиция следователей, не имеющих самолюбия и амбиций, а чаще всего достаточных полномочий и поддержки собственного руководства, приводят к тому, что большинство таких преступлений оказываются нераскрытыми.

«Десять подозреваемых, – подумал Дронго. – И первый из них – сам мистер Джеймс Фармер. Вторая – конечно, Илона Томашевская. Третья – эта несчастная визажистка Луиза. Четвертой и пятым можно считать Кэтрин и ее супруга. Шестой – наверное, пан Тадеуш Шокальский. Седьмой и восьмой – пара из Москвы: Мурашенков и Сарычев. Девятый – хозяин отеля Мануэль Сильва, хотя ему меньше всего нужен скандал в собственном заведении. И десятый подозреваемый – адвокат Карнейро. Правда, лишь потому, что он был среди мужчин, отправлявшихся играть в гольф. С другой стороны, он настоял на поездке комиссара Брюлея в Португалию. Значит, он что-то знал и опасался именно подобного преступления. Или нет? Но тогда зачем он пригласил сюда Брюлея?

«В детективных романах, – продолжал размышлять Дронго, – убийцей обычно оказывается человек, вызывающий меньше всех подозрений. В нашем случае получается, что это адвокат Карнейро. Ведь именно он пригласил Брюлея, и у него не было видимых причин для убийства Сильвии Фармер. Нужно найти комиссара, чтобы он поговорил со своим „клиентом“. И попытаться выяснить, чего так боялся адвокат Карнейро, что даже позвал сюда комиссара полиции?»

Дронго поднялся и прошел на лужайку. С левой стороны к ней примыкал небольшой холм, спускавшийся к очередному полю для гольфа. Прямо перед ним был расположен большой бассейн, один из самых крупных в Европе – почти сто метров в длину и метров тридцать – сорок в ширину. Осенью и зимой он обычно бездействовал, но уже начиная с апреля вокруг бассейна выстраивались в несколько рядов лежаки для купающихся или нежащих на солнышке гостей отеля.

Дронго смотрел на водную гладь, когда услышал, как кто-то подошел к нему и встал рядом.

– Мне казалось, что это самое тихое место в Европе, – негромко произнес подошедший.

Дронго повернул голову. Рядом с ним стоял Мануэль Сильва – плотный человек среднего роста, с черными седеющими волосами и пышными темными усами, делающими его похожим на араба. Дронго никак не стал комментировать это замечание, понимая состояние хозяина отеля после убийства в его владениях супруги всемирно известного Джеймса Фармера. «Журналисты просто разорвут беднягу на куски», – подумал с очевидным сочувствием Дронго, глядя на мужчину рядом с собой.

– Полицейские допрашивают наших гостей, – сообщил Мануэль Сильва, – и я только сейчас узнал, что в отеле находятся два самых известных сыщика Европы: вы и комиссар Дезире Брюлей. О приезде Брюлея мне говорил мой друг, адвокат Карнейро, но я не знал, что вы тоже приедете. Позвольте представиться. Я Мануэль Сильва – владелец отеля.

– Меня обычно называют Дронго, – вежливо ответил эксперт.

– Я знаю, – ответил Мануэль Сильва. – Брюлей сказал, что находился рядом с вами на террасе, когда закричала горничная. Дурочка, она так испугалась, наткнувшись на убитую. Я тысячу раз предупреждал менеджера, что в отелях подобного уровня сотрудников и обслуживание нужно учить выдержке. Вышколенный служащий, даже если он, зайдя в номер, видит нечто абсолютно невообразимое, должен уметь сделать вид, что ничего не заметил. Но наш обслуживающий персонал набирают из местного контингента. Это дети рыбаков и фермеров, часто без должного образования и воспитания. Приходится терпеть и такие кадры. Когда мы строили отель, правительство социал-демократов поставило условие, чтобы мы использовали не меньше половины местных работников.

– Понимаю, – сказал Дронго. Он вспомнил, как однажды сам по нелепой случайности вошел в чужой номер, где на кровати в совершенно недвусмысленной позе наслаждалась друг другом молодая пара. Парень даже не стал отвлекаться, а девушка подняла голову и, нимало не смущаясь, выразительным жестом руки показала Дронго, куда ему следует идти отсюда. Дронго лишь пробормотал извинения и осторожно вышел. Кажется, это было в Румынии лет семнадцать назад...

– Уже прибыли некоторые журналисты, – раздраженно сказал Мануэль Сильва, – боюсь, завтра их здесь будет еще больше.

– Ваш отель попадет во все газеты, – согласился Дронго.

– Это меня и пугает, – признался владелец отеля, – акции компании и без того падают. После террористического акта в Нью-Йорке одиннадцатого сентября огромные убытки несут авиакомпания, туристический и гостиничный бизнес. Люди напуганы.

– Да, – согласился Дронго, – я знаю.

– Вы играете в гольф? – неожиданно спросил Мануэль Сильва.

– Нет, – усмехнулся эксперт, – боюсь, что из меня не получится такой выдающийся профессионал, как вы.

– Я много тренируюсь, – признался владелец отеля, – и, конечно, знаю здешние поля лучше других. Я провожу в отеле по три-четыре месяца в году. Мне всегда казалось, что здесь идеальное место для такой великой игры, как гольф. Жаль, что вы не играете. Если понадобится моя помощь, я всегда готов вам помочь.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил его Дронго, – у меня к вам только один вопрос. Вы не знаете, почему ваш друг Карнейро пригласил сюда комиссара Брюлея?

– Конечно, знаю, – вздохнул Мануэль Сильва, – я сам попросил его об этом.

– Зачем?

– Нас беспокоило, что пан Шокальский решил приехать сюда со своей пассией. С этой Илоной Томашевской. К сожалению, нам стало известно о том, что она раньше встречалась с Джеймсом Фармером, и мы опасались возможного инцидента.

– Откуда вы узнали об их отношениях? – Еще не успев закончить фразу, Дронго понял, что совершил ошибку. Он не должен был выдавать себя этим вопросом, признавая невольно, что также осведомлен о прежней связи Томашевской и Фармера.

– Вы тоже успели об этом узнать, – покачал головой его собеседник, – тогда вы должны понять наши опасения. Я поручил охранникам особенно внимательно следить за пани Илоной. К тому же она бывший сотрудник польской полиции. Разве можно доверять сотрудникам полиции, работавшим в прежние времена?

– Среди них было много порядочных людей, – возразил Дронго, чуть улыбнувшись. – Между прочим, комиссар Брюлей тоже бывший сотрудник полиции.

– Он был по эту сторону занавеса, а она – с другой стороны, – в свою очередь возразил Мануэль Сильва, – там не было порядочных людей. Там все пытались выслужиться перед режимом Ярузельского.

Спорить не хотелось. Дронго жил в другой системе координат и знал, насколько не прав владелец отеля, все еще сохранявший в памяти прежние стереотипы.

– Вы не ответили на мой вопрос, – напомнил Дронго.

– Поляки заказали два номера, указав, что приезжают сюда для переговоров с мистером Фармером. Я попросил нашу службу охраны проверить прошлое этих гостей. Про пана Шокальского мы не узнали ничего нового, а вот про Илону Томашевскую нам стали известны такие факты, которые делали нежелательным ее визит в Алгарве. Но было поздно отказать ей. Она уже получила шенгенскую визу и собиралась лететь сюда вместе с Шокальским. Извините, меня, кажется, зовут.

Мануэль Сильва направился к зданию. Сквозь идеально вычищенные стекла Дронго хорошо были видны следователи, поджидавшие владельца отеля в холле.

Тело убитой уже успели увезти, и теперь в отеле царило то напряженное ожидание, которое наступает после ошеломляющих событий, ставших для кого-то трагедией, когда каждый чувствует себя немного виноватым. Брюлей куда-то исчез, очевидно, уехал вместе с сотрудниками полиции, и Дронго вдруг остро почувствовал свое одиночество. Он никому здесь не был нужен. Даже полицейские, проводившие допрос свидетелей, не стали его искать, возможно, посчитав, что им достаточно и показаний Брюлея.

Если служащие отеля получили указание обратить внимание на поведение Илоны, то вчерашний интерес Дронго к польской паре, очевидно, был доложен и владельцу отеля. Тогда выходит, что Дронго подсознательно поступил правильно, не скрыв того, что знает о ее прежних отношениях с Фармером. Или все-таки неправильно?

«Десять подозреваемых... – снова принялся анализировать Дронго. – И один из них должен быть убийцей».

Часы показывали уже почти половину третьего, но никто не вспоминал про обед.

Дронго еще не знал, что убийца уже продумал свой следующий шаг и точно выбрал жертву. Он даже не подозревал, что первое убийство было лишь ступенькой ко второму. Из десяти подозреваемых один был убийцей, но среди них была и следующая жертва. Вторая жертва, смерть которой так нужна была убийце.

Дронго повернулся и пошел к зданию отеля. Обедать не хотелось. Он поднялся к себе в номер и собрался прилечь. Было грустно и неприятно от своей ненужности. В этот момент в дверь постучали. Он удивился. Если не считать Брюлея, Дронго никого не ждал. Он подошел к двери и посмотрел в глазок. За дверью стоял, переминаясь с ноги на ногу, пан Тадеуш Шокальский.

«Что привело ко мне этого типа?» – неприязненно подумал Дронго, открывая дверь. Он все-таки немного ревновал Шокальского к такой роскошной женщине, как Илона Томашевская.

– Пан Дронго, – улыбнулся Шокальский, – можно к вам? Извините, что врываюсь без приглашения, но мне показалось, что такое чрезвычайное событие может извинить мою настойчивость.

По-русски он говорил хорошо, правда, чересчур быстро и немного шепелявя. Дронго поморщился, но пропустил в свой номер назойливого поляка.

– Прошу прощения, – еще раз извинился Шокальский, усаживаясь на стул.

Номера в отелях системы «Меридиан» обычно небольшого размера, если, конечно, это не сюиты и не апартаменты в расположенных в столицах бывших дворцах. Дронго присел в единственное кресло, приготовившись услышать, что скажет неожиданный посетитель.

– Пани Томашевская рассказала мне, что вы известный эксперт по вопросам преступности, – осторожно начал Шокальский, – она говорит, что вы лучший специалист в этой области.

– Не думаю, что лучший, – перебил своего собеседника Дронго, – все знают, что лучшие в Европе – это комиссар Дезире Брюлей и Мишель Доул из Лондона. Говорят, что есть еще один бельгиец, но я с ним лично не знаком. Я всего лишь четвертый или пятый.

– Ценю вашу скромность, пан Дронго. Но мне кажется, что вы оказались здесь не случайно.

– У вас неверная информация, пан Шокальский. Я оказался здесь абсолютно случайно.

– Возможно, возможно. Но теперь пан может применить свои знания и найти убийцу, который решился на такое невероятное преступление.

– Это дело португальской полиции, – устало парировал Дронго.

Ему не нравился незваный гость.

– Да, да, – снова согласился Шокальский. Он вообще соглашался со всем, что говорил Дронго. – Но такой специалист, как вы, должен понимать, что полиция захочет прибегнуть к вашей помощи.

– Пока не захотела, – ответил Дронго.

– Они еще обратятся, – взмахнул рукой Шокальский, – я только хотел поговорить с вами насчет пани Илоны. Вы встречались с ней вчера. И сегодня – я видел, как вы разговаривали...

– Вы видели нас сегодня и знаете о нашей встрече вчера – вы что же, следите за ней? – спросил Дронго.

– Нет, нет. Конечно, не следил. Пани Илона – прекрасный человек, и я ей абсолютно доверяю. После того как мы вчера расстались и вернулись каждый в свой номер, я вспомнил, что не успел сказать ей нечто важное. Когда я снова постучал к ней, оказалось, что она успела покинуть свой номер. А утром за завтраком на мой вопрос, куда она ушла вчера вечером, пани Илона ответила, что разговаривала с вами.

«Врет, – подумал Дронго, – она наверняка ему ничего не рассказывала. Интересно, что связывает двух столь непохожих людей?»

Шокальский, видя, что Дронго молчит, занервничал.

– Дело в том, что кое-кто из гостей отеля настроен против моей спутницы, – еще больше понизив голос, сообщил Шокальский, – и после такого страшного преступления некоторые могут подумать... про пани Илону...

– Надеюсь, что нет, – пробормотал Дронго, – а вы считаете, ее начнут подозревать?

– Нет, нет, я так не считаю. Возможно, несчастную Сильвию убили вместо ее мужа. Хотели помешать нашим переговорам. Убийца вошел в комнату, чтобы убить ее мужа. И выстрелил от испуга.

– Не думаю, – ответил Дронго, – убийца должен был заметить собравшихся на лужайке перед отелем игроков. Все видели, как пятеро мужчин ждут вас.

– Да, я немного задержался, – скороговоркой выдавил Шокальский. – Но мне кажется несправедливым плохое отношение ко мне и к пани Илоне, и я хотел бы попросить вас о своеобразной защите.

– Сомневаюсь, что меня послушают, – признался Дронго, – а почему вы так уверены, что есть люди, настроенные против пани Илоны?

– Мне кажется, некоторые знают об их с Фармером давнем конфликте, – очень осторожно заметил Шокальский.

– Откуда они знают? – спросил Дронго. – Меня, кстати, интересует, как пани Илона вообще могла здесь оказаться? Ведь о ее приезде заранее было известно и владельцу отеля Мануэлю Сильве, и его адвокату сеньору Карнейро. Вы, кажется, приехали для того, чтобы успешно провести переговоры? И вдруг вместе с вами появляется женщина, один вид которой вызывает у Фармера активное неприятие. Можно узнать, зачем вы ее привезли?

– Я не думал... мне казалось, что прошло столько лет... – Глаза Шокальского забежали, он был явно смущен заданным вопросом.

– Не нужно меня обманывать, – строго попросил Дронго, – они заранее знали о вашем визите. И вы специально привезли сюда пани Илону... Постойте... Мне только что пришло в голову – ведь вы привезли ее специально, чтобы сорвать переговоры?!

Шокальский дернулся. Даже если бы он больше ничего не сказал, то и тогда стало бы ясно, что подобная тема его очень волнует. Он провел пальцами по своей коротко подстриженной бороде, затем взмахнул руками.

– Моя репутация, пан Дронго... Неужели вы думаете, что я мог бы сорвать переговоры намеренно? Как вы могли такое...

– Зачем вы ее привезли? – снова перебил его Дронго. – Только честно, не лгите!

– Я не могу с вами разговаривать в таком тоне, – вскочил со своего места Шокальский, – мне казалось, что пан вполне разумный человек и понимает, насколько мы далеки от всей этой грязи, от разбирательств в семье Фармера, от русских бандитов, от всего, что нас может скомпрометировать. Пани Илона – большой специалист в области международного права, она работает в уважаемом агентстве, и я считал, что она сможет мне помочь во время переговоров.

– Поэтому вы отправились сегодня играть в гольф без вашей партнерши, – иронически заметил Дронго.

– Она не играет в гольф! – закричал Шокальский. – Вы очень тяжелый человек, пан Дронго. Вот так можно опорочить хороших людей. Наша польская делегация немедленно покинет Алгарве, как только нам разрешат отсюда уехать сотрудники португальской полиции.

– Они не разрешат, – сказал Дронго.

– Что?! – Шокальский снова взмахнул руками. – Очень жаль, что вы поверили нечистоплотным дельцам. Мы с пани Илоной занимаемся своей работой и не имеем никакого отношения к этому убийству. Извините меня, я думал, что вы сумеете понять наше беспокойство.

Он выбежал из номера, оставив Дронго одного.

«Какой скользкий тип, – поморщился Дронго, – кажется, я нащупал его уязвимое место. Похоже, он действительно собирался сорвать переговоры. Но для чего? Какой смысл приезжать сюда для того, чтобы вам отказали? И если он привез с собой Илону Томашевскую специально, то опять же – для чего? Чтобы скомпрометировать Джеймса Фармера через столько лет? Разумеется, нет. Тогда зачем? Выходит, он заранее предполагал негативную реакцию на появление в Алгарве Илоны.

Как интересно. Здесь все запуталось до такой степени, что ничего невозможно понять. Кому же была выгодна смерть Сильвии Фармер? Кто и почему стрелял в нее?»

На часах было уже около пяти. Дронго поднялся, чтобы переодеться и выйти в коридор. «Куда исчез комиссар, – в который раз подумал он, – и что могла рассказать ему визажистка? Зачем она ходила в номер к женщине, которую так ненавидела ее хозяйка?»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Едва он вышел в коридор, как увидел усталого комиссара, направляющегося к себе в номер.

– Где вы были? – бросился к нему Дронго. – Я думал, вас забрали в участок, – пошутил он.

– Так и было, – устало сказал комиссар, – оказалось, что местный инспектор полиции меня знает. И мне пришлось отправиться вместе с ним, чтобы, во-первых, помочь Луизе, а во-вторых, рассказать им, как все это произошло. По твоему лицу я вижу, что у тебя есть информация, которой ты хочешь со мной поделиться. Только после того, как я выпью чашку кофе. Спускайся вниз и подожди меня в том зале перед гриль-баром, где разрешают курить.

Дронго послушался комиссара и, спустившись вниз, заказал кофе для него и зеленый чай для себя. Когда комиссар появился, на столике его уже поджидала чашка ароматного кофе. Брюлей с удовольствием достал трубку и принялся набивать ее табаком.

– Теперь рассказывай, – потребовал он, – и постарайся сделать это очень подробно, чтобы я понял, почему у тебя такое измученное лицо.

Дронго усмехнулся и начал свой рассказ с того самого момента, как он спустился вниз, в холл, вместе с Мурашенковым и Сарычевым. Где позже появилась Илона, которая поведала ему о происшедшей с ней двадцать лет назад трагедии.

Затем Дронго заказал еще по две чашки кофе и чая. И вспомнил о разговоре с Мануэлем Сильвой.

Под конец он сообщил о визите пана Шокальского. И когда закончил рассказывать, взглянул на комиссара и пожал плечами:

– Формально подозреваемыми можно считать двенадцать человек. Но нас я исключил. Значит, остается десять. И по тому, как холодно и отстраненно вел себя мистер Джеймс Фармер, я поставил его на первое место в списке подозреваемых.

– «Десять негритят», – вспомнил комиссар, – кажется, была такая повесть у Агаты Кристи. Только не спрашивай меня, читаю ли я детективы. Конечно, не читаю. Мне рассказал об этой интересной повести мой инспектор Люка. Но там, кажется, один судья убивал всех – одного за другим.

– Верно, – устало улыбнулся Дронго, – вы меня все время поражаете, комиссар. Только там была еще и другая особенность. Все события происходили на одиноком острове, откуда нельзя было сбежать. А у нас можно выйти из отеля и уехать куда угодно.

– Кэтрин Фармер так и сделала, – напомнил комиссар, – их автомобиль видели в Фаро. Если они улетят на самолете, это будет признанием их вины.

В Фаро, на востоке от Алвора, находился международный аэропорт, куда приземлялись самолеты из многих стран мира. Собственно, это был самый крупный аэропорт на всем побережье португальского юга.

– Надеюсь, что не улетят, – пробормотал Дронго. – Из их разговора я не услышал ничего о подобном намерении. Кроме того, они забрали бы с собой свою визажистку. И свои чемоданы.

– Не обязательно. – Комиссар получал удовольствие и от разговора, и от своей трубки, и от горячего кофе. – Такая женщина, как Кэтрин, вполне может улететь и без чемоданов. А потом прислать за ними частный самолет. В отличие от тебя, у меня гораздо меньше новостей. Сразу скажу, что несчастную Сильвию застрелили. Два выстрела из пистолета «дженнингс», модель пятьдесят восемь.

– Значит, убийца стрелял наверняка, – задумчиво произнес Дронго, – два выстрела из такого пистолета должны были разорвать ей всю грудную клетку.

– Что и произошло, – сказал комиссар. – Кроме того, эта модель – особая, с полимерным корпусом. Заряжается патронами «ультра». Очень редкий вид патронов. Диаметр доннышка

гильзы меньше диаметра самой гильзы. Такие патроны могут использоваться только для пистолетов, специально приспособленных к ним.

– Гильзы нашли?

– Две гильзы на полу. Убийца сделал два выстрела.

Некоторое время комиссар курил свою трубку и молчал. А Дронго терпеливо ждал.

– На «дженнингс» можно надеть глушитель, – задумчиво сообщил Брюлей, – в этом случае ты мог не слышать выстрелов. Но Сильвия должна была закричать. И если она не закричала, это означает, что она знала своего убийцу и не ожидала, что он может в нее выстрелить.

– И тогда у нас остается только один подозреваемый – Джеймс Фармер, – предположил Дронго. – Любой другой, кто появился бы в ее спальне, должен был вызвать у нее как минимум подозрение.

– Возможно, – комиссар нахмурился. – Кстати, Луиза призналась, что не входила в комнату Сильвии. Нужно было видеть, чего мне стоило выбить из нее признание.

– Но она подходила к дверям?

– Да, – кивнул комиссар, – я обещал никому не рассказывать и собираюсь сдержать свое слово. Но для тебя могу сделать исключение. Сильвия платила Луизе очень большие деньги за информацию о племяннице своего мужа. Похоже, она хотела знать все о личной жизни Кэтрин Фармер.

– И сколько она платила?

– Три тысячи долларов в месяц!

– Что поделаешь – инфляция, – вздохнул Дронго, – раньше стукачам платили гораздо меньше. Почему она не вошла в комнату?

– Она постучала, но ей не открыли.

– Горничная говорила, что видела, как Луиза выходила из номера убитой, – напомнил Дронго.

– Она видела, как Луиза дергала ручку, и решила, что та закрывает за собой дверь, – пояснил комиссар, – такое часто бывает. В моей практике было несколько подобных случаев. Нет, Луиза не входила в номер. Хотя Сильвия позвонила ей, и они договорились о встрече. Знаешь, почему я верю Луизе на слово? Она должна была сегодня утром получить деньги. Три тысячи долларов. Деньги так и остались лежать в столике убитой. Теперь понимаешь?

– Да, – кивнул Дронго, – это ее алиби. Договорившись с Сильвией о деньгах, Луиза пошла за ними, зная, что Кэтрин уедет с мужем на побережье. Но она не входила в номер, иначе взяла бы деньги.

– Верно. И еще я тебе скажу, что мне жалко эту визажистку. И не потому, что она моя соотечественница.

– А я не люблю стукачей, – угрюмо повторил Дронго, – ни в каких вариантах.

– Кто, по-твоему, страшнее? Дьявол, обернувшийся змеем-искусителем, или Ева, поддававшаяся на его уговоры? – спросил комиссар. – Я тебе скажу, Дронго, что сам был таким же бескомпромиссным. Но на самом деле Луиза мне гораздо симпатичнее, чем убитая Сильвия. Несчастная визажистка, оставив мужа, мотается по всему свету с актрисой, чтобы заработать на жизнь трем своим внукам. А Сильвия, зная ее трудности, готова предложить ей деньги за очевидную подлость. Кто из них хуже? Несчастная женщина, которая поддается на уговоры ради своих внуков, или жена миллиардера, которая выбрасывает деньги, чтобы узнать интимные тайны своей бывшей подруги, ставшей ее родственницей? Не знаю, кто убил Сильвию, но она была неприятным человеком.

Дронго задумался. Может, Брюлей прав? Может, сам Дронго иногда слишком строго судит своих знакомых? Ведь подчас в различных жизненных ситуациях некоторые из них оказывались лишь слабыми людьми, согласными пойти на компромисс ради достойной жизни для себя и своих близких? Может, способность к компромиссу естественна для любого человека,

а он, Дронго, требует бескомпромиссности от обычных слабых людей? Может, поэтому ему иногда бывает так сложно?..

– Она купила Луизу, – продолжал комиссар, – и ненавидела Кэтрин, с которой когда-то дружила. Представляешь, до какой степени ненавидела, если решила платить столько денег визажистке?

– Но почему? – спросил Дронго. – Чего она так боялась?

– Все дело в завещании, – пояснил комиссар. – По прежнему завещанию большую часть наследства ее муж Джеймс Фармер отписал своей племяннице. Сильвия требовала изменить завещание, но чтобы об этом не узнала ее бывшая подруга.

– И он согласился?

– Этого я не знаю. Но в любом случае Сильвия теперь ничего не получит...

– ...а все достанется Кэтрин Фармер, – мрачно подвел итог Дронго. – Тогда выходит, что она больше других была заинтересована в смерти Сильвии.

– Она и ее муж, – согласился Брюлей.

– При чем тут ее муж? Он разве включен в число наследников Джеймса Фармера?

– Нет. Но он является наследником самой Кэтрин, – напомнил комиссар. – Должен сказать, что она прекрасная актриса и никудышный финансист – в отличие от своего знаменитого дяди. Тот, правда, тоже не обладает ее актерскими талантами. Всем известно, что она дважды неудачно выходила замуж и дважды разводилась, откупаясь от своих мужей солидными суммами. Затем она вложила большую часть средств в неудачный проект создания аквапарка в Сиэтле. И хотя Кэтрин зарабатывает очень много, она так же много и тратит. Поэтому у нее нет свободных денег, и Энрико, если он не дурак, понимает, какой богатой женщиной может стать Кэтрин в случае смерти Сильвии.

– Серьезное обвинение, – согласился Дронго. – Выходит, Кэтрин и ее муж становятся основными подозреваемыми, и остается надеяться, что они не улетят из Фаро куда-нибудь в Америку.

– Если верить Луизе, они так же мало любили свою «тетушку», как и она их. Нужно дождаться, когда они приедут, и первыми их допросить.

– У меня есть еще один интересный факт, – вспомнил Дронго. – Вчера во время разговора Мурашенков сказал Шокальскому, что поляки не смогут заплатить деньги, которые предложат русские. И тогда Шокальский ответил, что он не обязательно представляет поляков.

– Помню, – Брюлей вынул изо рта потухшую трубку и начал вытряхивать ее в пепельницу.

– Если слова Шокальского правда, – а я думаю, что он сказал их намеренно, чтобы остановить Мурашенкова, – то это может означать, что он лишь посредник.

– Ты видел этого типа? – с отвращением спросил комиссар. – Конечно, он посредник! Что-то вроде спекулянта или сутенера, готового продать все, что попадет под руку, и продаться любому, кто даст большую цену.

– Правильно. При этом он появляется здесь с женщиной, которая ненавидит Фармера. И при виде которой Фармер слишком очевидно нервничает. Я все время спрашивал себя: что может быть между ними общего?

– Что ты хочешь сказать? – спросил Брюлей.

– Он привез ее специально, чтобы сорвать переговоры, – убежденно заявил Дронго. – Что между ними общего, я догадываюсь. Она бывший сотрудник полиции, а он, очевидно, бывший осведомитель. Такой вариант возможен. Но почему он привез ее сюда? И тогда я понял, что ответить на этот вопрос должны именно вы.

– Ты думаешь, я знаю ответы на все вопросы?

– Знаете. Что сказал вам Карнейро, когда предлагал приехать в Алгарве?

– Я тебе уже говорил. Он считал, что нужно обеспечить безопасность участников переговоров при подписании контракта. Опасался, что гостям отеля может угрожать какая-то прово-

кация, – произнес комиссар и хмуро взглянул на Дронго: – Ты связываешь мой вызов с появлением здесь Илоны?

– Получается именно так. Они знали заранее о приезде сюда Томашевской. Знал хозяин отеля и знал адвокат Карнейро, который, видимо, готовил условия для заключения предстоящей сделки и боялся, что все может сорваться из-за появления здесь бывшей любовницы Фармера, которая к тому же – бывший сотрудник польской полиции. И адвокат принимает решение нейтрализовать возможную угрозу, пригласив другого бывшего сотрудника полиции.

– Не думал, что меня позовут бегать за этой дамочкой, – прохрипел Брюлей, – не нужно было соглашаться на эту поездку.

– Выходит, все было подстроено. – Дронго отодвинул чашку и приблизился к своему собеседнику. – По меньшей мере, несколько человек заранее знали, что сюда приедет Илона, появление которой не понравится Джеймсу Фармеру. Тогда у меня вопрос: для чего они ее сюда привезли?

– Знай мы с тобой ответ на этот вопрос, не пришлось бы ломать голову и над некоторыми другими, – согласился комиссар. – Если ты прав, то вся затея направлена против Джеймса Фармера.

– И убийство его жены – составная часть этого плана, – закончил Дронго. – Получается, что с нами нечестно играют – используя нас же для осуществления своих планов.

– Используя меня, – прошипел Брюлей, – они не думали, что ты так неожиданно здесь появишься.

– У нас есть несколько групп подозреваемых, – сказал Дронго. – Первая – это возможные убийцы Сильвии Фармер. Ее муж, ее бывшая подруга, Энрико Вилари, может быть, визажистка, если она не сказала вам правду. Пока это только наши предположения.

– Есть вторая группа – люди, которые знали о приезде сюда Илоны Томашевской, – подхватил комиссар, – это адвокат Карнейро, владелец отеля Мануэль Сильва, сама Илона и ее напарник Шокальский.

– И третья группа, которая приехала на переговоры, рассчитывая получить контракт. Двое из Москвы – Мурашенков и Сарычев. Говоря про них, Шокальский назвал их членами мафии.

– У тебя есть сомнения насчет его слов?

– Не знаю. Они, конечно, не ангелы, как и все бизнесмены, разбогатевшие в безумные девяностые годы. Хотите, я открою вам один секрет? Все без исключения миллиардеры и миллионеры из стран СНГ заработали свои деньги путем хищений государственных средств. Неожиданно разбогатеть по-другому было невозможно. В стране просто не было богатых людей. И большие деньги ухватили люди, близкие к власти, сумевшие вовремя подсуетиться и украсть часть государственного имущества. Вот и вся механика их обогащения. Или вы думаете, что «нефтяные бароны» из России покупали свои нефтяные заводы и скважины на трудовые сбережения? Или на деньги, оставшиеся им в наследство от родителей? Нет, они просто украли и приписали себе государственное имущество. Как и все остальные.

– Тогда этот поляк Шокальский прав. Они из мафии.

– Нет. На Западе часто не понимают, что такое «русская мафия». Это обычная шпана, бандиты и уголовники. А богатые люди – это коррупция на самом верху, это крупные хищения, но не обязательно общение с уголовными элементами.

– Они могли убить Сильвию Фармер? – прямо спросил комиссар.

– Не думаю.

– Тогда давай по-другому. Они могли подстроить убийство Сильвии?

– Думаю, да. Ради таких больших денег на преступление могли бы пойти и более устойчивые люди.

– Очень похоже.

– Выходит, что деньги виноваты, а не люди? – спросил с сомнением Дронго. – Только что вы говорили, что готовы понять людей, поддающихся соблазну.

– Готов понять Луизу, которая зарабатывает на своих внуков, – пояснил Брюлей, – но не миллионеров, которые хотят стать миллиардерами. Или ты думаешь, что я недостаточно последователен?

– Хотите знать, что я вправду думаю, комиссар? – вдруг спросил Дронго. – Я думаю, что если хотя бы часть людей в этом мире были бы столь же последовательны, как вы, то жить на земле стало бы гораздо легче. Люди забывают, что Бог есть совесть, сострадание и понимание ближнего. И требуют от Бога справедливости и возмездия, забывая, что Бог может начать именно с них.

– Ты действительно так считаешь? – спросил несколько смущенный комиссар.

– Уверен, – ответил Дронго.

– Давай все сначала, – предложил комиссар, – мы должны понять, что же здесь происходит.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Ужин должен был начаться в семь часов вечера, но некоторые гости, взволнованные и голодные, уже с половины седьмого прохаживались перед зданием отеля со стороны поля для гольфа, куда выходила терраса ресторана.

Дронго и комиссар прошли к лужайке, в центре которой рос мощный ветвистый дуб. Вокруг него были расставлены скамейки для отдыхающих. Усевшись на скамьи лицом к отелю, оба терпеливо ждали, когда откроется ресторан и они смогут поужинать.

Мурашенков и Сарычев вышли на свежий воздух одними из первых. Они прогулялись к бассейну и сейчас снова возвращались к террасе.

Официанты уже всю суетились, расставляя бокалы и приборы, когда появился адвокат Карнейро, который уселся за столиком на террасе и потребовал принести ему чашечку кофе перед ужином.

Пан Шокальский вышел один и, оглядевшись по сторонам, снова вернулся в холл отеля. Очевидно, встреча с Мурашенковым и его напарником не прельщала поляка.

Пани Илона приближалась к террасе с противоположной стороны лужайки, где она, вероятно, гуляла в одиночестве. Дронго в который раз залюбовался ее великолепной фигурой, когда она прошла мимо них с комиссаром, томно улыбнувшись обоим. И наконец, за несколько минут до открытия у ресторана появилась Луиза, которая была одета в темное платье и все время испуганно озиралась, словно опасаясь, что ее могут обвинить во всех смертных грехах.

Фармера и хозяина отеля нигде не было видно. Скорее всего, они сейчас вместе находились в номере, который предоставили Фармеру взамен прежнего – того, где произошло убийство. Надо полагать, Мануэль Сильва считал своим долгом не оставлять в одиночестве вдовца, потерявшего в столь преклонном возрасте относительно молодую супругу.

Обычную жизнь курорта нарушало присутствие на лужайке двоих сотрудников полиции в форме, которые демонстративно фланировали перед потрясенными служащими и гостями отеля.

– Надеюсь, Кэтрин Фармер уже успела вернуться в отель. – Комиссар посмотрел на часы. – Иначе эта парочка будет фигурировать в материалах полицейского расследования как самая подозрительная.

– Они еще не приехали, – заверил Брюлея Дронго.

– Почему ты так уверен?

– С шести часов вечера за стойкой портье дежурит мой старый знакомый Жозе Монтейру. Большой любитель зеленых купюр достоинством в сто евро. Получив одну такую бумажку, этот негодяй пообещал, как только здесь появятся Кэтрин и ее супруг, сразу же сообщить мне об этом.

– Если даже выяснится, что они ничего не знают, я бы все равно не исключал их из числа подозреваемых. Значит, у нас их по-прежнему десять, – напомнил комиссар. – Хотя стрелять в Сильвию мог любой официант или служащий отеля. Но, думаю, мы правильно делаем, что подозреваем именно наших знакомых. Чтобы решиться на такое преступление, нужно иметь стальные нервы и твердый характер. А сотрудники отеля набраны в основном из жителей рыбацкого поселка Алвор – людей простых и дружелюбных. Трудно представить кого-то из них хладнокровным убийцей.

– Верно, – согласился Дронго, – я об этом тоже думал. Но сомнения относительно вашей соотечественницы еще не сняты. Если она умная женщина, то могла догадаться оставить три тысячи долларов нетронутыми, чтобы обеспечить себе алиби. Или не взяла эти деньги, поскольку должна была получить намного больше.

Комиссар повернул голову и взглянул Дронго в глаза. Но ничего не сказал, позволив своему собеседнику продолжать эту тему.

– Сильвия могла настаивать на изменении завещания своего мужа, – продолжал Дронго, – а Кэтрин могла узнать об этом. Или ее супруг. Тогда они уговорили Луизу согласиться на предложение Сильвии стать ее осведомительницей и втереться к ней в доверие, пообещав, со своей стороны, заплатить гораздо большую сумму. В этом случае Луиза не стала бы трогать деньги Сильвии, рассчитывая получить щедрое вознаграждение от своих хозяев и не рисковать.

Брюлей молчал. Целую минуту. Затем тяжело вздохнул:

– Мне нравится твоя логика. Все получается правильно. Если они договорились, то Кэтрин Фармер и ее муж, или один из них, специально организовали эту поездку в Фаро, чтобы иметь абсолютное алиби на тот момент, когда Луиза должна была выстрелить в жену мистера Фармера. Только одно обстоятельство меня смущает. Горничная видела, как Луиза отходила от двери в банном халате отеля. Почему она не переоделась, ведь времени у нее было достаточно?

– Согласен, – улыбнулся Дронго. Разговаривать с умным человеком всегда приятно. Когда говоришь с таким мэтром, пытаешься еще и учиться. – А если она специально надела халат, чтобы не испачкаться в крови? Ведь халат гораздо легче отстирать, чем обычную одежду. Халат можно бросить в ванну и сказать, что он нечаянно упал в воду. Что, если это была просто уловка?

– С тобой трудно спорить, – прохрипел комиссар.

И вдруг улыбнулся. Это было так неожиданно! Брюлей вообще редко улыбался.

– Должен тебе сказать, Дронго, что ты действительно хороший сыщик. Я тоже подумал об этом. И первое, что сделал, это отправился к Луизе в номер и проверил ее халат. Можешь себе представить, она занимает двухместный номер! Так вот, там было два сухих халата. Я внимательно осмотрел оба. Надо сказать, в этих халатах очень маленькие карманы. Явно не для пятидесят восьмой модели «дженнингса». Но и карманы я тоже осмотрел. Если бы оружие пытались засунуть в карман, там остались бы пороховые следы.

– Браво, комиссар, – Дронго развел руками, – вам никто не говорил, что вы гений сыска?

– Не нужно мне льстить, – отмахнулся Брюлей, – это обычный полицейский опыт. Ты вдвое моложе и не работал ни одного дня в полиции, но пришел к тем же выводам. Кто из нас быстрее соображает? Ты или я, проработавший в полиции почти полвека?

– Только вы, комиссар! – ответил Дронго.

И тут они увидели высунувшегося в приоткрытую дверь Жозе Монтейру. Тот вертел головой по сторонам, ища глазами эксперта. Увидев наконец Дронго, портье энергично замахал рукой, подзывая его к себе.

Дронго подошел ближе.

– Они только что приехали, – шепотом сообщил Монтейру, – их автомобиль сейчас паркуется рядом с отелем.

– Идемте, – позвал Дронго, оборачиваясь к комиссару, – они приехали.

Дезире Брюлей с неожиданной для его лет ловкостью поднялся и направился к зданию. Вместе с Дронго они вошли внутрь. Как раз в этот момент с другой стороны – от главного входа в отель – в холле появились Кэтрин Фармер с супругом. И почти сразу им навстречу шагнули Брюлей и его спутник.

– Извините меня, миссис Фармер, – обратился к актрисе комиссар, – я просил бы вас не подниматься наверх, а задержаться на несколько минут внизу.

– Почему? – недовольно спросила Кэтрин. – Вы все еще пытаетесь нас преследовать, господа детективы? Или до сих пор подозреваете Энрико в каких-то грехах? Думаете, он по-прежнему не платит налогов?

Вилари нахмурился, но ничего не произнес. Комиссар и Дронго переглянулись. У этого парня было слишком много проблем.

– Будет гораздо лучше, если вы не станете говорить так громко и пройдете с нами, – вставил Дронго, – поверьте мне, миссис Фармер, это прежде всего в ваших интересах.

– И не подумая, – вскинула голову Кэтрин.

Она была в синей куртке, под которой виднелся темный пиджак. Именно в нем Дронго видел ее утром. В руках актриса держала черные очки. Очевидно, она надевала их во время визита в Фаро, чтобы ее не узнали.

– До свидания, господа, – громко сказала Кэтрин, – если хотите, я вызову своих адвокатов, чтобы они с вами поговорили. Или сотрудников полиции, если вы будете к нам приставать.

Она взяла Энрико под руку, собираясь уйти, когда Брюлей неспешно произнес:

– Полицейские уже ждут вас наверху, миссис Фармер. В отеле произошло убийство...

– Что? – Кэтрин повернулась. Взглянула на комиссара, затем на Дронго. Посмотрела на Энрико, стоявшего рядом с ней. И снова на комиссара. – Какое убийство? – спросила она, и у нее дрогнули губы. Если она притворялась, то играла замечательно. Впрочем, по-другому и быть не могло. Она была очень хорошей актрисой.

Вилари выглядел хмурым и несколько растерянным. Казалось, он пытался понять, о чем идет речь.

– Прошу вас, давайте присядем, – предложил комиссар и, повернувшись, направился к дивану, стоявшему рядом с несколькими креслами, уже не сомневаясь, что его собеседники последуют за ним.

Ошеломленная актриса и ее супруг, держась за руки, действительно двинулись вслед за широкой спиной комиссара, как зачарованные. Дронго присоединился к ним, и они вчетвером расселись в холле. Комиссар достал трубку, с ненавистью посмотрел вокруг и начал решительно набивать ее табаком, собираясь закурить в запретной для курения зоне.

– Что... что случилось? – нервно спросила Кэтрин.

– Где вы были? – спросил Брюлей.

– Мы должны вам отвечать? – разозлилась миссис Фармер. – Может, вы, наконец, объясните, что здесь происходит?

– Сначала ответьте на мой вопрос.

– Мы ездили в Фаро. Хотели узнать в аэропорту, когда можно будет улететь в Лондон. Заодно там пообедали.

– О рейсах на Лондон вы могли узнать по телефону.

– Могли. Но нам так захотелось. К тому же мы решили немного развеселиться. Послушайте, я не понимаю, почему я должна отвечать на ваши вопросы!

Брюлей взглянул на Дронго, словно давая ему возможность вступить в беседу.

– Ваша визажистка Луиза и супруга вашего дяди были знакомы раньше или познакомились только здесь? – спросил Дронго.

– Хватит, – вмешался Вилари, – кто вы такие? Мы уходим. Про какое убийство вы говорите?

Дальше молчать не имело смысла.

– Сегодня утром в отеле была убита жена вашего дяди Сильвия Фармер, – сообщил Дронго.

Комиссар сунул трубку в рот и чиркнул спичкой, хотя поблизости не было ни одной пепельницы. Здесь вообще нельзя было курить.

– Нет, – произнесла потрясенная Кэтрин. Она снова взглянула на Вилари и сжала ему руку: – Нет, нет. Такого не может быть. Нет.

Ее муж сохранил гораздо больше хладнокровия. Он лишь еще больше сдвинул брови.

– Мы тут ни при чем, нас здесь не было, – сказал Энрико, – и вообще, мы уехали еще до того, как ее застрелили.

Кэтрин смотрела на всех троих мужчин расширенными от ужаса глазами. Бедняжка была почти в состоянии шока.

– Кто... как... где Джеймс? Что с ними случилось? – попыталась выдавить Кэтрин.

– Успокойтесь, – посоветовал комиссар. Он увидел, как Жозе Монтейру спешит к ним, чтобы напомнить комиссару о запрете на курение в холле. Но, столкнувшись со взглядом Брюлея, несчастный портье счел за лучшее ретироваться.

– Сильвию застрелили, – пояснил Дронго, – сегодня утром, когда вы уехали в Фаро.

– Кто это сделал? – быстро спросил Вилари. – Его арестовали?

– Полиция ищет убийцу, – ответил Дронго.

– Здесь, – удивился Энрико, – здесь ее убили? Вокруг столько охранников, повсюду стоят камеры.

– Ее застрелили в номере, – повторил Дронго, – и наверху вас обязательно встретит инспектор полиции, который жаждет с вами побеседовать. А завтра вас вызовут к следователю, который тоже захочет задать вам неприятные вопросы.

– Почему вы спросили про Луизу? – поинтересовался Вилари. – При чем тут она?

– Ее видели у номера, в котором жили супруги Фармер, – пояснил Дронго.

– Ах, вот почему вы спрашивали про нее, – понимающе покачал головой Вилари, все еще держа жену за руку, – хотите списать на нас это грязное преступление. Не нашли никого лучше? – зло спросил он. – Думаете, я подговорил Луизу, чтобы она выстрелила в Сильвию? Между прочим, Луиза боится даже вида крови. Об этом все знают.

– При чем тут Луиза? – не поняла Кэтрин. – О чем вы говорите?

– Они считают, что мы это подстроили, – все больше распалялся Энрико. Он выпустил руку Кэтрин из своей. – Разве ты не видишь, что они приехали сюда специально. Чтобы нас подставить! Все эти частные детективы вот уже который год охотятся за мной. Сначала меня обвиняли в мошенничестве, потом в неуплате налогов, теперь придумали убийство. Им важно убрать меня от тебя. Разве ты не понимаешь, что теперь мы с тобой остались единственными наследниками твоего дяди? И они хотят убрать меня, чтобы ты осталась одна.

Этот парень соображал гораздо быстрее, чем все остальные. Он сразу смекнул насчет наследства.

– Вы не только единственные наследники, – напомнил Дронго, – боюсь, что вы можете стать и основными подозреваемыми.

– Это не ваше дело, – Вилари вскочил с дивана, увлекая за собой Кэтрин, – пойдем, дорогая. Мы больше не должны говорить с ними. И вообще ни с кем. Позвони в Лос-Анджелес или в Лондон, пусть срочно прилетят твои адвокаты.

Кэтрин все еще не до конца осознавала происходящее. Она растерянно смотрела по сторонам, в то время как Энрико тащил ее к лифту. Комиссар невозмутимо курил, даже не глядя в их сторону. Дронго не понравилось такое завершение беседы.

– Подождите, – сделал он еще одну попытку, – мы хотим вам помочь. Разобраться...

– Идите вы... – выругался Вилари по-итальянски.

Куда именно – можно было догадаться, даже не зная языка. Когда тебя так далеко и от души посылают...

Дронго вернулся в кресло напротив Брюлея. «Ну и черт с ними, – раздраженно подумал он, – в конце концов, это не наше дело». Комиссар оставался невозмутимым. Он пыхтел своей трубкой, даже не шелохнувшись. Затем посмотрел на Дронго и сказал:

– Кроме французского, я еще знаю английский и немного понимаю итальянский.

– Я тоже понимаю итальянский, – усмехнулся Дронго.

– Перевести тебе, куда он нас послал, или ты понял?

– Здесь перевода не требуется. Я думаю, вы не раз слышали такие выражения в ваших полицейских участках от итальянских эмигрантов.

– И ты думаешь, мне приятно было это слышать?

– Не думаю. Приятно то, что у нас есть повод еще раз поговорить с сеньором Энрико Вилари, – неожиданно заявил Дронго.

– Значит, ты тоже обратил внимание на его слова? – Комиссар достал трубку, посмотрел по сторонам. Жозе Монтейру, словно прочитав его мысли, бросился к ним с пепельницей. Он так и не решился сказать, что здесь нельзя курить. Оставив пепельницу на столике возле комиссара, портье так же быстро исчез.

– Когда начинается скандал, важно следить за каждым словом и каждым жестом говорящих, – улыбнулся Дронго, – кажется, так вы меня учили?

– Я думаю, ты всему научился сам, – добродушно возразил комиссар, – но мы с тобой одновременно обратили внимание на слова Энрико Вилари.

– Он проговорился, – согласился Дронго, – неожиданно для самого себя он проговорился.

– Да, да, – покачал головой Брюлей. – Ты сказал, что ее убили, но ты не говорил, что ее застрелили.

– Верно. А Энрико Вилари ответил, что они не виноваты, поскольку уехали до того, как Сильвию застрелили. Если это так, откуда он знал, что в нее стреляли? Я не говорил ему, как ее убили. И откуда он узнал о времени?

– Все правильно. Я полагаю, что мы поужинаем, а потом его навестим. Только скажи мне честно, ты умеешь посылать так же далеко по-английски?

– Думаю, что получится. Нужно будет немного потренироваться, – ответил Дронго, и они улыбнулись друг другу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ужин прошел невесело. Напуганные официанты ходили по залу, стараясь ступать как можно тише, гости почти не разговаривали.

За столиком в углу сидела приехавшая несколько часов назад семья в составе высокого мужчины лет сорока, красивой молодой женщины и двух детей – девочки и мальчика. Семейство прибыло сюда на отдых из Швейцарии. Было заметно, что, несмотря на некоторую сдержанность, присущую жителям немецкоговорящих кантонов этой страны, новые гости недоумевали, почему все вокруг такие мрачные. Им казалось, что экспансивные южане – португалыцы и испанцы, должны быть гораздо более шумными и разговорчивыми. Но сегодня здесь не играла музыка, никто не шутил и не смеялся. И поэтому даже дети, догадываясь, что в отеле происходит нечто необычное, старались не шуметь. Тихо подходя к «шведскому столу», они осторожно накладывали себе еду и так же спокойно возвращались на свои места.

Дронго и Брюлей обратили внимание, что Кэтрин и ее супруг так и не появились в ресторане. Не спустились вниз ни мистер Фармер, ни хозяин отеля Мануэль Сильва, в обычные дни предпочитающий ужинать вместе с гостями. Зато адвокат Карнейро пришел на ужин одетый, как на прием в зарубежное посольство. На нем был темно-синий костюм в полоску, белая сорочка и красно-серый галстук. Он сидел в одиночестве и с удивительным, если не сказать неприличным, аппетитом ел рыбу. Увидев комиссара, адвокат кивнул ему в знак приветствия, но к их с Дронго столику подходить не стал.

– У вашего «клиента» такой хороший аппетит, – заметил Дронго, указывая на адвоката, – он ведет себя так, словно ничего не произошло.

– Адвокаты обладают иммунитетом против подобных несчастий, – зло произнес Брюлей. Затем, чуть помолчав, добавил: – И не только адвокаты. Еще и патологоанатомы, которым все равно, кого препарировать, и полицейские комиссары, которые видят столько дерьма в своей жизни, что становятся бесчувственными людьми. Или ты думаешь, что я не прав?

– Это зависит от конкретного человека, – дипломатично заметил Дронго, но не стал развивать свою мысль. Его внимание занимала пани Илона, сидевшая за столиком вместе с Шокальским и что-то ему выговаривавшая. Пан Тадеуш слушал женщину молча. Он качал головой в знак согласия, иногда пытался вставить несколько слов, но в общем не возражал ей. Выглядела пани Томашевская чрезвычайно недовольной.

Мурашенков и Сарычев ужинали, лишь изредка обмениваясь фразами. Причем в основном говорил Сарычев. Мурашенков время от времени что-то отвечал, но чаще слушал своего партнера рассеянно, думая о чем-то своем.

Луиза, сидевшая на краешке стула, вообще ничего не ела. Она медленно ковыряла вилок у себя в тарелке и иногда умоляюще смотрела в сторону комиссара, словно видя в своем соотечественнике единственного человека, который мог ей помочь.

– Нашу парочку, наверное, допрашивают наверху следователи, – предположил Дронго. – Интересно, откуда этот тип узнал о смерти Сильвии? Или это он все подстроил? Но тогда получается, что у него в отеле был помощник.

– А если он специально сделал все, чтобы подозрение вызвала именно Луиза? – предположил Брюлей. – Я не собираюсь ее защищать, но вполне возможно, что он сам вошел в комнату Сильвии, застрелил ее и затем спустился вниз к жене, с которой уехал в Фаро, уже зная, что Луиза отправится к Сильвии.

– Когда перед отъездом Кэтрин разговаривала со мной на террасе, – начал припоминать Дронго, – Энрико прервал нас, сказав, что им пора ехать. И добавил при этом, что надо бы подняться наверх за куртками, которые им нужно взять с собой на случай прохлады.

– Она была в куртке, – сказал Брюлей, не поднимая головы от тарелки.

– Он тоже, – напомнил Дронго. – Значит, он возвращался утром к ним в номер за куртками. Когда мы разговаривали в холле, она была в той же самой одежде, что была на ней утром, до отъезда. Я не думаю, что Кэтрин тоже поднималась к себе. Иначе она бы обязательно переоделась.

– Ты неплохо разбираешься в психологии этих дамочек. И в их гардеробе, – пробормотал комиссар. – Хорошо, что ты обратил внимание на одежду. Выходит, он поднимался вверх... Чем больше мы говорим об этом прохвосте, тем больше подозрений он вызывает.

– Несколько судимостей, бурная прежняя жизнь... Этот альфонс и жуир, кажется, больше всех мог выиграть от смерти Сильвии Фармер. Конечно, Кэтрин и без того очень богатая женщина. Но теперь она вдобавок и единственная наследница дядюшки-миллиардера.

– И ты думаешь, что Вилари убийца? – спросил Брюлей.

– Уж больно все сходится, – пробормотал Дронго, – я привык не доверять слишком очевидным фактам. Нужно подумать и о других подозреваемых.

– Правильно, – комиссар наконец поднял голову и посмотрел на Дронго. – Дело в том, что мы приписываем этому типу чересчур много ума. Но если он такой умный, то должен был просчитать, что его-то и будут подозревать в первую очередь.

– Именно это мешает мне поверить в его виновность, – пробормотал Дронго, – хотя вы видели, как Кэтрин и Сильвия ненавидели друг друга.

Он опять посмотрел на Илону, которая по-прежнему гневно отчитывала за что-то своего спутника. Шокальский уже пробовал возражать и совершенно очевидно нервничал.

– Кажется, тебе очень нравится эта польская пани, – неожиданно сказал Брюлей, снова опустивший голову. Даже не глядя на Дронго, он догадывался, куда тот смотрит.

– Она недовольна, – заметил Дронго, – она очень недовольна и выговаривает своему спутнику. Тот пытается оправдаться.

– И что ты об этом думаешь? – Комиссар глотнул из высокого стакана. За ужином он не пил вина, предпочитая обычную минеральную газированную воду.

– Мне кажется, она недовольна своим появлением здесь. Ведь многие знают об их отношениях с Джеймсом Фармером двадцать лет назад. И ей неприятно, что она может попасть в список подозреваемых. Хотя местным полицейским, кажется, об этом еще ничего не известно. Но им могут подсказать.

– Тебе нужно с ней поговорить, – заметил комиссар. Он огляделся по сторонам в поисках пепельницы, уже собираясь достать свою трубку. Но запрет на курение в помещении ресторана был категорическим. Курить разрешалось только за столиками на открытой террасе.

Илона поднялась и, не дожидаясь десерта, вышла из ресторана. Шокальский что-то неразборчиво пробормотал ей вслед. Адвокат Карнейро, следивший за ними, разрешил официантке убрать его тарелку и принести ему кофе. Мурашенков и Сарычев сделали вид, что не смотрят в сторону поляков, хотя было заметно, как они внимательно наблюдали за ссорой своих возможных соперников.

Ужин подошел к концу.

– Мне нужно еще раз поговорить с этим Карнейро, – поднимаясь из-за стола, сказал комиссар и презрительно мотнул головой в сторону адвоката, – хочу узнать, кого он подозревал, когда вызывал меня в Алгарве. И если подозревал конкретного человека, почему не сообщил мне об этом раньше.

Дронго кивнул в знак согласия. Он тоже поднялся.

Несмотря на позднюю осень, погода на побережье установилась очень теплая. Дронго вышел на террасу, спустился к лужайке. Любуясь лунным светом, он решил пройтись и вдруг различил невдалеке высокую фигуру Илоны. Очевидно, завершив свой разговор с паном Тадеушем, женщина вышла подышать свежим воздухом.

«Хороший стрелок и бывший сотрудник полиции, которая достаточно равнодушно отнеслась к смерти Сильвии. Подобное зрелище ей привычно. И вдобавок ненавидит Фармера, явно сломавшего ей жизнь. Зачем она приехала? Только для того, чтобы сопровождать этого плешивого мерзавца Шокальского? Не слишком ли много чести для него?» Дронго ускорил шаг. Илона обернулась, услышав быстрые шаги, поскользнулась и чуть не упала. Дронго ринулся к ней и едва успел подхватить женщину, цеплявшуюся за кусты.

– Здесь сложно ходить на высоких каблуках, – сказал он ей слегка укоризненно.

– Я не ожидала, что кто-то еще гуляет под луной, – пробормотала Илона. – Решила, что меня преследуют. После случившегося в отеле убийства здесь могут ходить неприятные люди. Я правильно сказала по-русски?

– Вы боитесь?

– Не самой смерти. Мне не хочется, чтобы меня убили где-нибудь в кустах, а потом свалили бы на меня убийство Сильвии.

– Интересная теория, – пробормотал Дронго, – а почему вы решили, что вас должны убить, чтобы подставить как убийцу?

– Это не ваше дело, – рассерженно ответила Илона, – и вообще я не понимаю, почему вы меня преследуете.

– Я видел, как вы ругались с Шокальским. Мне кажется, я понимаю, почему вы так на него разозлились.

– Ничего вы не понимаете, – она отмахнулась и снова едва не поскользнулась. Ухватив Дронго за руку, она прошептала ругательство по-польски. Затем неожиданно улыбнулась: – Вы помогли мне во второй раз. Зря я вышла на таких каблуках. Не знаете, почему здесь мокрые дорожки?

– Знаю. Ночью начинает работать автоматическая система подачи воды, увлажняющая поля для гольфа. Вы же видите, какие здесь великолепные газоны. Они нуждаются в особом уходе. Держите мою руку, так вам будет удобнее.

– Спасибо, – Илона оглянулась, словно опасаясь, что за спиной может появиться еще один преследователь.

– Не беспокойтесь, – улыбнулся Дронго, – надеюсь, что больше никто за нами не последует.

– Вы меня защитите в случае необходимости? – усмехнулась Илона.

– Сотрудника полиции? По-моему, это вы должны меня защищать.

– Я бывший сотрудник полиции, – возразила Илона, – а вы частный детектив, который расследует убийство, происшедшее в нашем отеле.

– Ничего подобного. Я случайно оказался в этом отеле. И не занимаюсь расследованием убийства. Мне всего лишь интересны кое-какие факты, на которые я, в силу своей профессии, обращаю внимание.

– Ясно, – притворно вздохнула она, – если на меня нападут, я не стану на вас рассчитывать. А мне говорили, что вы дрались с самим Миурой и даже победили его.

– Это сказки, – пожал плечами Дронго, – я не смог бы его победить, даже если бы очень захотел. Все, что у меня получилось, это продержаться несколько секунд, пока он меня не свалил. Если бы не подоспела помощь, он бы меня легко убил.

– Вы необычный человек, – сказала Илона, взглянув на Дронго. – Как правило, мужчины не любят признаваться в том, что их побили. А вы не боитесь казаться смешным или слабым.

– Я не хочу казаться идиотом. Абсолютно понятно, что при всех своих возможностях, при моем росте, подготовке, весе, я все равно никогда не смог бы победить Миуру. Это просто невозможно, даже случайно, даже чудом. Зачем врать, что это случилось? Я же не смогу победить кого-нибудь из тяжеловесов-боксеров, особенно чемпионов. Возможно, я смогу убежать

или продержаться до первого удара. Но потом все будет кончено. Мне кажется, реально признать свои сильные и слабые стороны и есть основная черта умного человека.

Она улыбнулась, уже не возражая ему.

– Зачем вы приехали? – неожиданно спросил Дронго. – Только не рассказывайте мне, что у вас дрогнуло сердце при воспоминаниях о Фармере и вы решили появиться здесь, чтобы вспомнить свою молодость. Или отомстить ему. Я все равно не поверю.

– В первый вариант или во второй? – спросила она, останавливаясь.

– В оба сразу.

– Я же вам говорила, что приехала сюда по приглашению пана Шокальского. Вот и весь секрет.

– И поэтому вы так на него злились сегодня за ужином?

– Нет, не поэтому. – Она нахмурилась. Прошла молча несколько шагов. И снова обернулась: – Он меня обманул, – наконец сказала она.

Дронго ждал, когда она скажет следующую фразу.

– Я работаю в частном агентстве, – пояснила Илона, – я вам рассказывала об этом. К нам обратился пан Шокальский с просьбой обеспечить ему охрану во время поездки в Португалию и работы над новым контрактом. И я поехала с ним.

Она замолчала и осторожно посмотрела на Дронго.

– Неправда, – убежденно сказал тот.

– Что? – Она спросила для того, чтобы выиграть время, но он не дал ей ни секунды на размышление.

– Вы мне соврали, – строго произнес Дронго, – это заметно по вашему лицу.

– Вы умеете читать по лицу? – криво усмехнулась Илона.

– Разумеется. У вас асимметричная улыбка – поднят только один уголок рта. Кроме того, когда вы мне отвечали, вы подсознательно дотронулись до шеи, словно одергивая воротник. Это жест людей, которые говорят неправду либо пытаются что-то скрыть. Есть еще похожие жесты – человек теребит мочку уха, усиленно трет глаз... По-моему, это азы психологии, которые должны знать полицейские, даже бывшие.

– Я не стану больше с вами разговаривать, – сказала она, улыбаясь. Было ясно, что она подразумевает нечто противоположное. – Вы еще и опасный человек.

– Если все было бы так просто, вы не стали бы выговаривать своему спутнику. Мне представляется все немного иначе. Пану Шокальскому предложили несколько кандидатур, а он почему-то выбрал именно вас. Правильно?

– Да, – согласилась она, глядя изумленными глазами на Дронго, – ему представили наших сотрудников и сотрудниц, владевших испанским или португальским языком. Но он попросил поехать меня. Складывалось впечатление, что ему нужна была женщина. В агентстве решили, что таким образом он хочет скрыть наличие охраны. Иногда у нас бывают подобные заказы. Клиенты не хотят, чтобы кто-нибудь догадался о присутствии рядом с ними телохранителей. И поэтому просят присылать им в качестве сопровождения женщин. Ничего странного в требованиях Шокальского мы не усмотрели. Меня удивило другое. Ему предложили в спутницы женщину. Гораздо моложе и красивее меня. И знающую испанский. Однако Шокальский настоял, чтобы поехала именно я.

– И вы отправились с ним в Алгарве?

– Не сразу. Мы прилетели в Лиссабон, а оттуда на автомобиле приехали в Алгарве.

– Вас встречали в Лиссабоне?

– Да. Нас встречал неизвестный мне мужчина на серебристом «Ауди». Он привез нас в центр города, и мы поселились в отеле. Тоже «Меридиан». А потом мы заказали автомобиль и приехали в Алгарве.

– Вы встречались с кем-нибудь в Лиссабоне?

– Нет. Мы были там только полтора дня. Шокальский куда-то уходил, а я гуляла по городу. Может, он и встречался с кем-то, но я не думаю. Он возвращался достаточно быстро. По-моему, он был один раз в польском посольстве, хотел что-то выяснить.

– Вы смогли бы узнать мужчину, который встречал вас в Лиссабоне?

– Думаю, да.

– А номер машины? Вы не помните номер машины?

– Я не успела его разглядеть. Все произошло так быстро. Но мужчину я бы узнала наверняка.

– Вы не уточняли, кого представляет Шокальский? Какую конкретно компанию?

– Нет. Такие подробности нам не сообщают. Уже приехав сюда, я поняла, что ему вообще не нужна охрана. И стала догадываться, что он привез меня с собой специально, чтобы оказать давление на Джеймса Фармера. Откуда-то ему стала известна вся моя история, и он выбрал меня не случайно.

– Вы специализируетесь по международному праву?

– С чего вы взяли? Кто вам такое сказал?

– Пан Шокальский. Он объяснил, что вы крупный специалист в области международного права, и поэтому он вас привез с собой.

– Он вам соврал, – рассмеялась Илона. – Какой лжец!

– У меня сложилось другое впечатление о его намерениях. Дело в том, что о вашем приезде знало немало людей. Кроме самого Шокальского. Адвокат Карнейро даже полетел в Париж, чтобы пригласить сюда комиссара Брюлея для обеспечения должного порядка во время переговоров, хотя вполне мог попросить хозяина отеля удвоить охрану. Вас привезли сюда специально, чтобы сорвать переговоры. Возможно, я ошибаюсь, но, боюсь, факты говорят сами за себя.

Она молчала, задумавшись. Потом резко тряхнула головой.

– Вы правы, – неожиданно печальным голосом согласилась Илона, – кажется, меня использовали как глупую куклу. Обманули и привезли сюда, чтобы сорвать переговоры. Утром же улечу обратно в Варшаву, не хочу больше здесь оставаться!

– Это неумно, – возразил Дронго. – Во-первых, вас могут не выпустить из страны, задержав в аэропорту. Вполне вероятно, что полиция успела предупредить пограничную службу о расследовании убийства в нашем отеле. Во-вторых, поспешным отъездом вы вызовете обоснованное подозрение в свой адрес, когда полицейские наконец узнают о вашей встрече с Фармером двадцать лет назад. И о ваших достижениях в стрельбе. В-третьих, вы сорвете свой контракт, который подписан между вашим агентством и паном Шокальским. И наконец, есть четвертое обстоятельство, тоже немаловажное.

– Какое?

– Разве вам, как бывшему сотруднику полиции, неинтересно узнать, кто замешал весь этот дьявольский коктейль и кто совершил убийство Сильвии Фармер? Я бы на вашем месте остался – хотя бы из любопытства.

Илона вновь улыбнулась.

– Никогда не встречала таких людей, – призналась она. – Сколько вам лет, господин Дронго?

– Триста или четыреста, – очень серьезно ответил Дронго. – Я принял на себя все возможные грехи людей, видел за свою жизнь уже столько смертей, знаю столько примеров неслыханной человеческой подлости!.. И человеческого благородства. Мне очень много лет, пани Илона, и это, к сожалению, правда.

– Понимаю. – Она остановилась и отпустила его руку. Затем повернулась к нему лицом:

– Сколько вам лет биологически? – прошептала она.

– Сорок три, – признался Дронго.

– Идеальный возраст, – глядя ему в глаза, сказала она, – самый лучший возраст для мужчины.

– Что вы хотите сказать? – не понял он, даже немного растерявшись.

– Я должна получить хоть какую-то компенсацию от своего приезда в Алгарве, – деловито заявила пани Илона. И пока он не успел ничего возразить, вдруг притянула его к себе и сама поцеловала.

– Кажется, я тоже получу компенсацию, – успел пробормотать Дронго в перерыве между двумя поцелуями, и они оба расхохотались.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В то время как Дронго беседовал с пани Илоной, комиссар Брюлей и адвокат Карнейро, расположившись в курительном зале перед гриль-рестораном, продолжали свой разговор, начатый несколько дней назад в Париже.

– Как видите, я оказался не слишком расторопным охранником, – мрачно произнес Брюлей, – кажется, у вас есть все основания расторгнуть наше соглашение.

– Ничего подобного! – Карнейро курил сигары, которые так не любил комиссар. Как всякий курильщик трубок, он не признавал ничего другого. – Когда я обратился к вам за помощью, – пояснил адвокат, – моя задача состояла в том, чтобы вы приехали сюда. Специалист с такой репутацией, как у вас, нужен был в отеле, чтобы дать понять всем, что мы обеспечили надежную охрану участникам переговоров. Для нас была важна безопасность Джеймса Фармера, а не его родственников. И уж тем более мы не думали о Сильвии, гибель которой стала для нас неожиданностью.

– У вас своя градация ценностей, – поморщился Брюлей, – по-вашему, жизнь Джеймса Фармера стоит гораздо больше, чем жизнь его погибшей супруги?

– Конечно, – кивнул адвокат, – мне кажется, что вы понимаете, о чем мы говорим. Или вы с одинаковым рвением расследуете убийство бомжа под одним из парижских мостов и покушение на министра вашего правительства? По-моему, абсолютно ясно, что стоимость каждой человеческой жизни зависит, в том числе, и от социального статуса человека. Во все времена было так, и мы не можем изменить этого важнейшего фактора человеческих отношений. Убийство Цезаря меняет историю, убийство одного из его легионеров – всего лишь прискорбный факт для самого легионера.

– Между прочим, я расследую «с одинаковым рвением» любое преступление, – гневно прохрипел комиссар, – и мне важен сам факт противоправного проступка, убийства или ограбления, а не социальный статус жертвы.

– Вы можете себе позволить вести себя так, как вам хочется, – миролюбиво согласился Карнейро, – вы достаточно известный человек. Но большинство полицейских прекрасно понимают, когда нужно приложить максимум усилий, а когда можно и немного схалтурить. Как и мы, адвокаты. Клиента, который готов пополнить наш счет миллионом евро, мы встречаем с распростертыми объятиями и занимаемся его проблемами гораздо более внимательно, чем делом какого-нибудь бедняка, способного наскрести лишь несколько сотенных бумажек.

– Вы работаете на своих клиентов, а я служил государству, – возразил комиссар, – и если подобное разделение будет когда-нибудь закреплено, хотя бы в подсознании полицейских, то тогда мы будем служить не государству, а всего лишь кучке олигархов, имеющих возможность использовать полицию в своих личных целях.

– Простите меня, но французы неискоренимо заражены бациллами социализма, – ухмыльнулся Карнейро. – Свобода, равенство, братство! То, что было хорошо двести с лишним лет назад, не подходит для нынешнего времени. Уже всем понятно, что люди рождаются неравными. И равенства не может быть никогда. Один появляется с талантами великого певца, другой не может нормально применить деление или умножение. Гены у каждого свои, доставшиеся в наследство от родителей. В двадцать первом веке все встало на свои места. Негры хорошие боксеры не потому, что белые не умеют драться. Ученые считают, что лобные кости черномазых гораздо крепче, чем лобные кости представителей нашей расы. С другой стороны, в мире нет ни одного шахматиста-негра. И не может быть. Для этого требуется интеллект, которого они не имеют. И не могут иметь. Поэтому не нужно обижаться. Все идет так, как идет.

– Я начинаю жалеть, что приехал по вашему приглашению, – с отвращением признался Брюлей, – мало того что вы неприятный тип, вы еще и расист.

– Ну вот видите, обычные штампы. Это не расизм, это нормальное, научное, если хотите, объяснение. Как бы там ни было, вы понимаете, что Джеймс Фармер именно тот человек, который нас волнует. Заключение контракта с такой стоимостью и выбор места, где может состояться следующий чемпионат, это не только финансовое, но и политическое событие.

– И вы думаете, что переговоры все еще могут состояться? Вам не кажется, что теперь они окончательно сорваны?

– Вот тут вы наверняка ошибаетесь, – усмехнулся Карнейро. – Я знаю Фармера много лет. Ничто в мире не может выбить его из колеи. Он продолжит переговоры, даже несмотря на смерть Сильвии. Он слишком сильный человек, чтобы поддаваться обстоятельствам или идти на поводу у своих чувств.

Кроме того, Сильвия не первая его жена. И судя по физической форме Джеймса Фармера, можно быть уверенным – не последняя.

– Тогда убийца просчитался, – сказал комиссар.

– Разумеется. И понятно, почему они стреляли в Сильвию. Убивать самого Фармера не имело никакого смысла, тогда соглашение было бы окончательно сорвано. А они предлагают огромные деньги и готовы идти на любые финансовые условия, лишь бы впервые перетащить этот чемпионат к себе в Россию. Вы представляете, какие преимущества они получают?

– И новые контракты по оборудованию атомных станций? – спросил Брюлей.

Карнейро не удивился. Он вытащил наконец сигару изо рта, положил ее на край пепельницы.

– С самого начала было понятно, что вы все равно сумеете узнать, почему вокруг этих чемпионатов такой ажиотаж. Раз вы все знаете, то должны понимать, что проведение таких соревнований нельзя отдавать русским.

– Вы сказали, что «они стреляли в Сильвию». Вы полагаете, что убийца был не один?

– В физическом смысле, возможно, один. Но за конкретным исполнителем всегда стоят заказчики. Кто исполнитель – я думаю, мы все знаем. Заказчиков тоже вычислить нетрудно. Вам остается только доказать их вину.

– Мне кажется, не все так однозначно, – Брюлей тяжело вздохнул. Он и раньше, как полицейский комиссар, недолюбливал адвокатов, умеющих разрушить любую систему доказательств и выводы следствия своими хитроумными придирками. Но, столкнувшись с Карнейро, комиссар впервые испытывал просто непреодолимое чувство безразличия.

– Кого вы имеете в виду? – сухо поинтересовался Брюлей.

– Только один человек мог выстрелить в Сильвию. Бывший сотрудник полиции, которая ненавидит Джеймса Фармера. Это Илона Томашевская. Ее заказчиками наверняка были наши русские гости, господа Мурашенков или Сарычев. Возможно, оба вместе. Один разработал план, а второй выбрал конкретного исполнителя.

– Пани Томашевская... – задумчиво, как бы про себя, повторил Брюлей. – И вы думаете, что она приехала сюда для убийства Сильвии?

Он не стал рассказывать своему собеседнику о разговоре, состоявшемся между Мурашенковым, Сарычевым и Шокальским. Не нужно было посвящать адвоката во все детали.

– Они все приехали сюда, чтобы сорвать переговоры, – Карнейро достал вторую сигару, – поверьте мне, комиссар. Я уже давно в курсе всех дел Джеймса Фармера и знаю по нашим контрактам любые подробности. Ни одна компания в Европе не могла бы предложить столько денег, сколько могут дать русские. Это находится за гранью всякой разумной цены. Все наши попытки будут блокированы их ценами. Ясно, что им нужно получить проведение чемпионата и заманить к себе гостей. Чтобы гарантировать наверняка свою победу, они решили подтолкнуть Фармера к заключению договора, застрелив его жену. Сломленный морально и потрясенный смертью супруги, Фармер подпишет любой договор, считали они. Ему будет просто не до переговоров, и он согласится на самую большую цену, не вдаваясь в остальное. Если хотя бы

немного знать Фармера, можно разработать такой план. Ведь он человек долга и потому, даже если ему будет трудно оставаться там, где погибла его жена, он не уедет сразу – не закончив дела. И не нужно никаких особых усилий. На месте полиции я давно бы арестовал и поляков, и русских. Обе пары сговорились и лишь для видимости выступают в качестве конкурентов. При этом Шокальский суетится, но не говорит конкретной цены. Я думаю, с ними все ясно. Трудно доверять людям из бывшего восточного блока.

– Возможно, вы ошибаетесь, – возразил комиссар, – Сильвию могли застрелить и другие люди. Например, Энрико Вилари, жена которого становилась единственной наследницей после смерти Сильвии.

– Она и без того богатая женщина. Зачем Энрико так рисковать? Хотя он, конечно, прохвост. Ну в крайнем случае можно рассматривать и его в качестве подозреваемого. И все. Исключите русских и поляков, уберите проходимца Энрико и вы поймете, что больше подозревать некого.

– Я бы так не сказал. Горничная видела у дверей визажистку актрисы. Есть и еще несколько кандидатур.

– Кто еще? Не думайте, что я мыслю только как адвокат. Если понадобится, я вполне могу переквалифицироваться и в прокурора. Скажите, кому еще могла понадобиться смерть Сильвии Фармер? Несчастной визажистке? Это в глупых романах или дешевых фильмах горничные и визажистки играют главные роли в подобных преступлениях. В реальной жизни горничные и визажистки всего лишь несчастные, глупые женщины, не способные на самостоятельное мышление. Вы же не будете меня серьезно уверять, что Сильвию застрелила эта визажистка, кажется, ваша соотечественница – Луиза?

– Не буду, – согласился Брюлей, – а как насчет самой Кэтрин Фармер? У нее есть мозги, она богатая женщина. И прекрасная актриса. Такой вариант возможен?

– Да, – сразу ответил Карнейро, – но для чего? Все видели, как она ругалась с Сильвией, не желала оставаться с ней за одним столом... Согласитесь, что умный убийца так себя не ведет. У Кэтрин состоявшаяся карьера, молодой муж, тысячи поклонников во всем мире. Зачем ей убивать женщину, которая ей всего лишь неприятна? Только для того, чтобы испортить настроение своему дяде? Или убрать свою бывшую подругу из зависти к ее материальному благополучию? Зато Кэтрин гораздо более известный человек в мире, чем даже ее дядя, не говоря уже о его жене. Как видите, других подозреваемых в этой компании у нас нет.

Адвокат улыбнулся, довольный произведенным эффектом своей речи. Комиссар достал трубку, откашлялся и негромко произнес:

– В этой компании есть еще несколько человек.

– Кого вы имеете в виду? – насторожился Карнейро.

– Самого Джеймса Фармера, – пояснил Брюлей, – в моей практике было сколько угодно случаев, когда мужья убивали своих жен. К тому же он единственный человек, чье присутствие в спальне супруги не вызвало бы у нее никаких опасений. Он мог беспрепятственно зайти туда, выстрелить в нее два раза и, спустившись вниз, отправиться играть в гольф. Такой вариант вполне вероятен.

– Возможно, – Карнейро почесал голову мизинцем правой руки, стараясь не потревожить прядки, прикрывающие лысину. – Но Фармер слишком богат для такого преступления. Скорее он воспользовался бы услугами наемного убийцы.

– Чтобы избавиться от собственной жены? Где бы он нашел такого киллера? Зная положение Фармера, тот шантажировал бы его всю оставшуюся жизнь.

– Можно было найти посредников. Или развестись со своей супругой. Думаю, что при заключении брака был составлен весьма выгодный для самого Джеймса брачный договор. Это ведь не первая его жена. И он уже прошел через несколько разводов. Хотя теоретически я могу с вами согласиться. Но только теоретически. А кто еще?

– Владелец отеля Мануэль Сильва... – начал комиссар.

– Хватит, – рассмеялся Карнейро, – он и без того понесет убытки после этого убийства. Я знаю его много лет. Он деловой человек, а не преступник...

– И последний подозреваемый, – продолжал как ни в чем не бывало Брюлей, – это адвокат Алваро Карнейро...

Собеседник комиссара замер. Он хотел снова почесать лысину, но его рука застыла на полпути к голове. Карнейро осторожно убрал руку и уставился на комиссара.

– Вы серьезно считаете, что я могу быть в списке подозреваемых? – уточнил адвокат.

– Вы были в курсе всех событий. Вы знали о приезде сюда Илоны Томашевской и русских конкурентов. Вы приехали ко мне в Париж, чтобы пригласить меня для обеспечения безопасности Джеймса Фармера. Вы заранее допускали возможность покушения на его жизнь. Или на жизнь его близких. И вы знаете все детали возможного контракта. Вы же адвокат, сеньор Карнейро. Оцените степень своего возможного участия в таком преступлении.

Карнейро, сдвинув брови, поглядел в пол. Почесал голову. Потом мрачно взглянул на комиссара.

– Какие дикие у вас фантазии! – недовольно сказал он. – Зачем мне приглашать такого специалиста, как вы, если я сам планировал убийство Сильвии?

– Чтобы отвести от себя возможные подозрения. – Брюлею, похоже, доставляла удовольствие эта игра в «кошки-мышки». Адвокату же явно было не по себе. Ему совсем не хотелось фигурировать в подобном деле в качестве подозреваемого.

– Я никого не убивал, мсье Брюлей, – зло пробормотал Карнейро, – и никогда такого не планировал. Если вы будете меня подозревать вместо того, чтобы заниматься своим конкретным делом – обеспечением безопасности Фармера, то, боюсь, я буду вынужден согласиться с вами и разорвать наш контракт.

Карнейро встал и, не извинившись, вышел из зала. Брюлей откинулся на спинку кресла, с удовольствием задымив своей трубкой. Он все-таки сумел достать этого невозмутимого расиста с его теорией социальной значимости жертв преступления.

Комиссар взглянул на часы. Было уже около девяти вечера. «Странно, что Дронго еще не вернулся, – подумал Брюлей. – Видимо, он вышел на террасу и встретил там кого-то из гостей. Может, Энрико Вилари? Хотя нет. Тот, кажется, даже не спускался к ужину – наверное, до сих пор дает показания вместе со своей супругой. А Дронго, наверное, решил прогуляться вдоль лужайки». Брюлей докурил трубку и тяжело поднялся.

Выйдя из зала, он обнаружил в холле двух переодетых полицейских, сидевших рядом со стойкой портье. Комиссар проработал слишком много лет в полиции, чтобы не отличить ее сотрудников от других людей, даже если полицейские одеты в штатское. В подтверждение его догадки, когда он проходил к лифту, оба парня вскочили и вытянулись перед ним.

– Сидите, – махнул рукой Брюлей, входя в кабину.

Коридор третьего этажа был совершенно пуст. Комиссар не торопясь дошел до своего номера. Когда он открывал дверь, в комнате зазвонил телефон. Брюлей поспешил к аппарату.

– Слушаю, – буркнул он.

– Извините меня, комиссар, – услышал он в трубке несколько сконфуженный и немного приглушенный голос Дронго, – я сегодня не смогу зайти к вам. Может, перенесем наш разговор на завтра?

– Перенесем, – согласился Брюлей, – спокойной ночи, Дронго.

«Интересно, кого это он догнал на своей прогулке? Кэтрин Фармер или Илону Томашевскую? Скорее, пани Илону, актриса наверняка еще беседует со следователем. В конце концов, он моложе меня на добрых тридцать с лишним лет, – рассуждал сам с собою Брюлей, – нельзя требовать от него не замечать красивых женщин. Даже если они попадают в число основных подозреваемых».

Набивая табаком свою любимую трубку, комиссар вышел на балкон и тяжело опустился в кресло. Он просидел так немало времени. Дежурившие вокруг здания отеля охранники, каждый раз проходя мимо, наблюдали его мощную фигуру в клубах дыма над головой. Брюлей размышлял. Об убийстве, о подозреваемых, об их мотивах... Иногда он вспоминал Дронго, и тогда легкая улыбка появлялась на его устах.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Он часто спрашивал себя, почему ему так трудно заснуть рядом с другим человеком. Даже если рядом находилась женщина, которая ему нравилась. Даже если это была Джил...

Может, сказывались последствия той самой ночи в индонезийской тюрьме, когда, успев проснуться на одно мгновение раньше убийцы, он спас свою жизнь. И с тех пор ощущение присутствия кого-то поблизости подсознательно не давало ему расслабиться. Наверное, поэтому ему так трудно было заснуть в самолетах или поездах. Он лишь дремал, то есть слышал все, что происходит вокруг, но никогда не мог позволить себе полностью отключиться, даже когда очень хотел спать.

Они находились в ее номере, и женщина уже заснула, когда Дронго осторожно поднялся, чтобы одеться и выйти.

– Ты уходишь? – спросила Илона, открыв глаза. – Я думала, ты останешься до утра.

Ему было стыдно признаться, что он не сможет здесь заснуть. Поэтому он чуть виновато улыбнулся:

– Мне еще нужно немного поработать.

– Спокойной ночи!

Не возражая и, кажется, даже не удивившись, женщина повернулась к нему спиной.

Было немного обидно. Но ведь никто его не выгонял. Он сам принял такое решение. Пробормотав слова прощания, Дронго вышел из комнаты и осторожно прикрыл дверь.

У себя в номере он, сбрасывая на ходу одежду, прошел под душ. Уже стоя под горячими струями воды, Дронго вспомнил историю, которая произошла с ним несколько месяцев назад в Москве.

В один из субботних вечеров он сидел за компьютером, заканчивая срочный отчет о проделанной работе. На часах было уже около девяти вечера, когда раздался телефонный звонок. Дронго поднял трубку. Звонила женщина, которая давно ему нравилась. Он никогда не скрывал своего к ней отношения, но у них ни разу еще не было свидания наедине. И вдруг она позвонила сама.

Они договорились встретиться, и уже через полчаса Дронго подъехал к условленному месту. Приглашать женщину к себе домой ему было неудобно. Она вспомнила об уютном ресторане в одном из открывшихся в столице пятизвездочных отелей, и они отправились туда ужинать.

Встреча затянулась. Им было интересно разговаривать друг с другом. Но в какой-то момент неожиданно наступило молчание. Ситуация напомнила Дронго любимый фильм его отца «Мужчина и женщина». Он подозвал официантку и спросил, есть ли свободные номера в этом отеле. В отличие от официанта из французского фильма, московская официантка не знала ответа на этот вопрос. Дронго, извинившись перед своей дамой, покинул стол и прошел к портю. Разумеется, свободные номера имелись в избытке. Нужно было лишь предъявить свою кредитную карточку. Дронго оформил номер, и пара поднялась наверх.

Через час женщина спросила его о времени. И он допустил досадную промашку, о которой не раз вспоминал потом.

– Три часа утра, – сказал Дронго, взглянув на часы.

– Ты бы мог сказать «три часа ночи», – рассмеялась женщина.

Правда, он и здесь нашел, как выкрутиться.

– Я слишком много времени провел за рубежом, – признался Дронго, – там после двенадцати ночи уже утро, а после двенадцати дня уже вечер. Даже существуют латинские обозначения, которые следует добавлять, отвечая на вопрос: «который час?»: для первой половины дня – «А.М.», для второй – «Р.М.».

Женщина немного грустно улыбнулась. А спустя три часа она уехала, после того как они вместе выпили кофе в баре. И Дронго вернулся в номер один, размышляя о том, что успехи каждого человека так или иначе связаны с его неудачами. Любая победа оплачивается будущим поражением, а поражение – будущей победой. Человеческая жизнь соткана из таких противоречий, когда не знаешь, чем в дальнейшем обернется для тебя то или иное событие.

Он никогда не был аскетом, ему нравились красивые умные женщины. Но внутреннее одиночество никогда не покидало его. Слова любимого им Хемингуэя стали для него своего рода девизом: «Я знал многих женщин, но каждый раз, бывая рядом с ними, я бывал одинок, а это в конечном итоге худшее из одиночеств». И хотя некоторых женщин он по-настоящему любил, внутренняя пустота и одиночество, налагаемые его профессией, все острее ощущались с каждым прожитым годом.

Дронго вышел из ванной и лег в постель, но долго ворочался под одеялом, чувствуя, что не может заснуть. Решив еще немного прогуляться, он встал с кровати. На часах было около пяти. Дронго потрогал начавшую пробиваться на лице щетину и подумал, что лучше побреется позже, чтобы свежим выйти к завтраку. Он надел мягкие хлопчатобумажные брюки, рубашку, натянул серый пуловер. И вышел в пустынный коридор. Не вызывая лифта, спустился вниз по лестнице.

В холле первого этажа дремали двое сотрудников полиции. Один из них, приподняв веки, равнодушно взглянул на Дронго. Затем, не произнеся ни звука, опять закрыл глаза. Дронго прошел в глубь холла. С правой стороны там находился небольшой магазин. Постояв немного у его витрины, сквозь которую были видны забавные португальские сувениры, открытки, часы, куклы, парфюмерия, шоколад, Дронго прошел дальше, на террасу. Здесь было довольно прохладно. Он уже собрался снова подняться к себе, когда заметил сидевшую за одним из столиков женщину.

Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что она тут делает. Перед ней стояли бутылка виски и небольшой стаканчик, которые она, видимо, принесла с собой. Женщина зябко куталась в куртку с капюшоном и смотрела перед собой. Дронго присел за соседний столик.

Молчание длилось минут пять. Затем женщина негромко спросила:

– Зачем вы пришли? Продолжаете за мной следить? Скажите честно, что вам всем от меня нужно?

Это была Кэтрин Фармер. Чувствовалось, что она успела выпить уже не один стаканчик до того, как Дронго появился на террасе.

– Я не знал, что вы здесь, – строго сказал он, – и перестаньте разговаривать со мной в таком тоне. Даже если вы всемирная знаменитость, это не дает вам права вести себя подобным образом.

Женщина тяжело вздохнула.

– Сильвия умерла, – она произнесла это так, словно сообщала Дронго новость. И словно сама узнала об этом лишь несколько мгновений назад.

– Я знаю, – ответил Дронго.

– Мы с ней дружили, – вздохнула Кэтрин, – я не думала, что она может умереть. Я не думала, что она... что ее...

Дронго огляделся. Рядом никого не было. Странно, что Кэтрин отпустили одну. Где ее молодой муж? А многочисленные охранники, которые ходят вокруг отеля? Хотя со стороны лужайки силуэт женщины в темной куртке, сливающийся со стенами здания, наверное, трудно рассмотреть. Ее столик находился в тени балконного выступа.

– У Сильвии были враги? – спросил Дронго.

– Были. – Кэтрин посмотрела на бутылку, как будто только что заметила ее перед собой, и неожиданно быстро налила себе очередной стаканчик.

«Общество анонимных алкоголиков... – возникла ассоциация в голове Дронго. – Кажется, чуть ли не больше половины актеров Голливуда страдают от алкогольной зависимости или являются наркоманами».

Кэтрин выпила свой стаканчик и посмотрела на Дронго.

– Врачи считают, что мне нельзя пить, – пробормотала она, – у меня проблемы с печенью. Но сегодня я не хочу думать о себе. Я была так несправедлива к Сильвии...

Дронго поднялся и пересел к ней за столик. Женщина посмотрела на него, но не стала возражать.

– Знаете, кто был ее главный враг? – неожиданно спросила Кэтрин. – Я вам скажу. Это я. Это ведь я убила ее. И об этом все знают. Меня не трогают только потому, что я известная актриса. Они не хотят связываться с моими адвокатами.

– Вы умеете пользоваться оружием? – уточнил Дронго.

– И очень хорошо! Мой отец обожал охоту и научил всех детей стрелять из ружья. Но разве это сейчас важно?..

Она посмотрела на бутылку и снова протянула руку. Однако Дронго оказался проворнее, он быстро схватил бутылку.

– Верните, – потребовала она, попытавшись возмутиться.

– Где ваш супруг? – спросил Дронго.

– Не знаю, – она пожала плечами, – мне все равно, куда он делся...

– Его нет в вашем номере? – не поверил услышанному Дронго.

– Я не знаю, – она тяжело вздохнула, – кажется, он куда-то уехал. Энрико попытался меня разбудить, но я ничего не поняла. Я устала. Вечером нас так долго допрашивали эти глупые португальские полицейские!

– Подождите, – начал нервничать Дронго, – вы сказали, что его нет в номере. Куда он уехал?

– Не знаю. Я проснулась одна. Никого не было. Мне стало так страшно. Я звонила Луизе, она не ответила. И я взяла бутылку, чтобы спуститься сюда.

– Куда уехал ваш муж? – Дронго почувствовал, как у него от волнения начинает вибрировать голос.

– Я же сказала, что не знаю. Его не было рядом. И его чемодана не было. Наверное, он тоже подумал, что это я убила Сильвию...

– Где ваш муж? – снова спросил Дронго. – У него есть мобильный телефон?

– Есть, – кивнула она.

– Назовите номер! – Он пошарил по карманам. «Как всегда! Когда мобильника нет – он как раз нужен». От сотовых телефонов у него сильно болела голова, и Дронго не любил носить их с собой.

– Номер! – потребовал он от Кэтрин.

Женщина подняла голову, и Дронго увидел ее глаза. Полные слез и тоски. Начинало светать, и в утреннем сумраке стали заметны морщинки в уголках рта и мешки под глазами...

Звезды часто бывают одиноки. Они создают собственные поля притяжения и вращаются вокруг собственной оси, отталкивая не только другие звезды, но и все остальные тела, приближающиеся к ним.

Она пробормотала номер телефона. Дронго посмотрел на бутылку и, оставив ее на столике, бросился обратно в холл. Подбежав к стойке портье, он попросил телефонный аппарат. Затем быстро набрал номер. Номер не отвечал – был отключен.

– Мерзавец, – прошипел Дронго, – кажется, он всех обманул.

Дронго вернулся на террасу в тот самый момент, когда Кэтрин налила очередной стаканчик.

– Куда он уехал? – невежливо спросил Дронго, снова усаживаясь за столик.

– Вы приехали сюда, чтобы за ним следить, – слабо улыбнулась она, – а уверяли меня, что оказались здесь случайно. Я сразу поняла, что вас наняли мои адвокаты. Они боятся, что он промотает мои деньги, они не верят Энрико. Или вас прислали мои тетушки? Скажите мне, зачем вы сюда приехали?

– Я уже говорил вам, что не собираюсь следить за вашим мужем, – ответил Дронго, – просто удивлен, что он уехал. Скажите, муж сообщил вам, куда он отправляется?

– Я ничего не помню.

– О чем вы говорили вчера с сотрудниками полиции?

– Они спрашивали, куда мы ездили. Все время спрашивали о наших отношениях с Сильвией. Бедная Сильвия, в нее стреляли два раза... – Кэтрин всхлипнула, – они знали, что мы были подругами. И я на нее кричала...

Бывают моменты, когда хочется взвыть от досады. Дронго сжал кулаки. Получается, что этот итальянский авантюрист обманул двух лучших сыщиков Европы. Теперь они станут объектом насмешек для всех европейских газет. Двое сыщиков, которых провел обычный жиголо, альфонс, живущий на деньги американской кинодивы, прохвост, которого они должны были заподозрить в первую очередь.

– У него не включен мобильный телефон, – выдохнул Дронго, – извините меня, миссис Фармер, но вы наверняка знаете, куда он мог уехать. В Лиссабон, в Севилью? В аэропорт Фаро? Он куда-то должен был улететь?

– Он никуда не может улететь без меня, – сказала она. И снова протянула руку к бутылке. Дронго в очередной раз убрал бутылку.

– Тем не менее, видимо, улетел, – прорычал Дронго. – Что он вам сказал, когда уезжал?

– Не помню! Оставьте меня, мистер детектив!

– Хорошо, давайте по-другому. Вспомните, вчера утром вы спустились вниз без верхней одежды. Вы разговаривали со мной, сидя на террасе, а потом, когда решили, что пора ехать... Скажите, ваши куртки были уже в машине или ваш супруг за ними поднимался?

– Мы не оставляем верхнюю одежду в салоне автомобиля, – ответила Кэтрин, – мы всегда храним наши вещи в отеле. Конечно, он поднимался наверх. По дороге могло быть холодно – мы открывали окна, у меня ведь аллергия на кондиционеры.

– Он поднялся наверх за вашими куртками, – переспросил Дронго, – все правильно?

– Да, – кивнула она, – при чем тут наши куртки? Сильвию убили...

– К вам вчера кто-нибудь звонил из отеля? Вы знали, что Сильвию застрелили?

– Нет. Мы ничего не знали. Мы поехали в аэропорт, а оттуда заехали в Албуфейру. Я хотела выбрать подарок для Энрико. Хорошие часы. Мне не нравились его часы. И он сам предложил мне туда заехать.

– Вы купили ему часы?

– Купила. А потом мы приехали сюда и узнали о смерти Сильвии. Пока мы там покупали часы, здесь ее убили.

– Если мы не найдем вашего мужа в течение одного или двух часов, боюсь, что у него будут большие неприятности, – пробормотал Дронго.

– Энрико никуда не денется, – поморщилась Кэтрин, – зачем вы все время спрашиваете про него? У нас в семье такое горе.

– Вы говорили со своим дядей?

– Ему тоже плохо. Как и всем нам.

– Вы с ним говорили вчера вечером?

– Я зашла к нему в номер ночью. Он поменял сьюит и перешел в другой. Джеймс знал, как мы с его женой недолюбливали друг друга, но ничего не сказал мне. Он по-своему любил Сильвию.

– На кого оформлено завещание? Ведь у вашего дяди не было прямых наследников?

– Нет. Его сын от первой жены разбился еще пятнадцать лет назад. Думаю, что часть была переписана на меня, а часть – на благотворительные фонды. Но я точно не знаю, никогда у него не спрашивала.

– Он не переделывал завещание после женитьбы на Сильвии?

– Нет. Но у него предусмотрено, что его жена получит пятьдесят миллионов и виллу в Малибу. Я точно не знаю...

– У Сильвии есть наследники?

– Есть... Но зачем вы меня спрашиваете? Никто не убивал ее из-за денег. Это моя ненависть убила Сильвию.

– Вы сами стреляли в нее?

– О, господи! Конечно нет! Но ее убила моя ненависть. Я так больше не могу...

Дронго видел, как женщина все ниже опускает голову, – казалось, она вот-вот уснет.

– Позвольте, я вам помогу, – предложил он, протягивая руку, – вам лучше подняться к себе в номер. По утрам здесь слишком прохладно.

Она посмотрела на него, потом на бутылку. И согласно кивнула. Дронго помог ей подняться.

«Двое заумных сыщиков, – со злостью подумал он, – не смогли сразу догадаться, кто убийца. И теперь этот молодой жуир сбежал. А несчастная Кэтрин полагает, что только она виновата в случившемся».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

На часах было около шести, когда он, достав у Кэтрин из кармана куртки карточку-ключ, осторожно провел ее в номер и уложил на диван. Женщина что-то пробормотала, поворачиваясь на бок, и вдруг, подняв голову, попросила:

– Откройте, пожалуйста, балкон, я не могу спать с кондиционером.

Дронго прошел к балкону и отодвинул дверь до упора.

– Вы не останетесь? – неожиданно спросила она.

«Только этого не хватало, – подумал Дронго, – тоже мне жеребец-производитель». Пока он подыскивал подходящую форму отказа, женщина, невнятно пробормотав еще несколько фраз, повернулась на другой бок и уснула.

Дронго прошел в спальную комнату, принес одеяло с подушкой. Осторожно приподняв голову Кэтрин, он подложил подушку, затем бережно накрыл спящую одеялом.

«Все эти звезды, в сущности, так одиноки, – подумал он, – окружающим нужно от них все, что угодно, но только не их души. По большому счету их души никого не интересуют».

Женщина опять промурлыкала что-то сквозь сон и заворочалась, стараясь улечься поудобнее.

Дронго улыбнулся. Когда-то давно у него была похожая ситуация. Сколько лет прошло с тех пор?

Двадцать? Или немного больше? Тогда он помог молодой женщине поздним вечером добраться домой. Ей было двадцать, ему двадцать три. Он не скрывал, что она ему нравится, и догадывался, что и он ей тоже. Они вместе поднялись по лестнице в квартиру. А потом она прилегла на диван и неожиданно заснула. Дронго, сидевший в кресле, так, сидя, и провел ночь, стараясь не шевелиться лишний раз, чтобы не разбудить женщину. Утром, дождавшись ее пробуждения, он извинился и ушел. Нужно было видеть изумление на лице молодой женщины. Она была потрясена таким поведением молодого человека. Потом у Дронго было много встреч, но именно подобные ночи остаются в памяти.

Вот и сейчас, наклонившись к актрисе, он еще раз бережно поправил одеяло и собрался тихонько выйти из комнаты. Неожиданно он почувствовал под подошвой ботинка какой-то мелкий твердый предмет. Дронго нагнул голову, чтобы посмотреть, на что он наступил. И убрал ногу...

Увиденное его потрясло. Дронго поднял предмет. Это был патрон. Но какой! Тот самый характерный патрон, о котором говорил комиссар Брюлей, – «ультра» с диаметром доньшка меньше диаметра самой гильзы. Для модели «дженнингс» с полимерным корпусом. Перед ним был тот самый патрон! Дронго повертел его в пальцах.

«Одно из двух, – подумал он, – либо Энрико все понял и сбежал, либо патрон принадлежит Кэтрин Фармер, и тогда она напилась так, чтобы заглушить чувство вины».

Он снова посмотрел на патрон. Нагнулся и начал искать. Больше ничего не было. Ни под диваном, ни под столом – нигде. «А если допустить третий вариант? Патрон подбросили. Но тогда зачем так неожиданно сбежал Энрико Вилари? Что именно он сказал Кэтрин перед тем, как сбежать? К сожалению, она не помнит. Предположим, что его отъезд – случайное совпадение. Предположим, что патрон оказался здесь тоже случайно. Но Энрико вчера вечером проговорился. Он сказал, что Сильвию застрелили сразу после их отъезда, тогда как никто ему этого не сообщал. И Кэтрин не вспомнила, что знала о смерти Сильвии. Выходит, Энрико Вилари становится главным подозреваемым. Остается только его арестовать и узнать, почему он выстрелил в женщину. Возможно, его использовали. Скажем, поляки. Или Мурашенков. Денег у них много, они вполне могли купить Вилари. Хотя зачем Мурашенкову или Шокальскому пользоваться услугами Энрико, когда можно найти десяток профессиональных килле-

ров? Связываться с Вилари довольно рискованно... Нет, такой вариант слишком надуман. К тому же для него нет никаких весомых доказательств».

Дронго подумал и неожиданно даже для самого себя положил патрон в карман брюк. Затем еще раз посмотрел на Кэтрин, огляделся в комнате. Двери балкона были открыты. Вспомнив, что Кэтрин говорила ему про аллергию на кондиционеры, он не стал закрывать балкон, а просто повернулся и вышел из номера.

Теперь Дронго нужно было подняться к себе на третий этаж. У него еще оставалось время побриться и переодеться, чтобы успеть встретиться за завтраком с Брюлеем и узнать, о чем комиссар говорил с адвокатом Карнейро.

Но проблема Вилари не давала эксперту покоя. Дронго даже замедлил шаг, продолжая размышлять. «Неужели мы с комиссаром так глупо ошиблись? Куда Энрико мог уехать? Или он не понимает, что его будут подозревать в первую очередь?»

Войдя к себе в номер, Дронго сразу прошел в ванную комнату. Он тщательно брился, обдумывая ситуацию.

Кэтрин, похоже, не проснется до самого обеда, если вообще будет в состоянии помнить события сегодняшней ночи. Илона была с ним. В пятизвездочных отелях убирают обычно два раза в день. С утра – сразу после завтрака – до полудня, и вечером, когда готовят постели и кладут шоколад для гостей.

Дронго поднял голову, осторожно проводя лезвием под подбородком.

Вчера вечером постели готовили примерно в то время, когда Кэтрин и Энрико вернулись из Фаро. Нет. Вчера горничные из-за начавшегося в отеле разбирательства в связи с убийством убирали комнаты чуть позднее обычного. После семи. В промежутке между семью и девятью часами вечера. В это время Кэтрин и ее мужа допрашивали следователь и сотрудники полиции. Значит, патрон мог попасть в номер в тот момент, когда горничная уже вышла из номера, но туда еще не вошли Кэтрин с Энрико. Первый вариант. Второй, более странный, но возможный. Когда ночью Вилари неожиданно уехал, его жена покинула свой номер, отправившись к Джеймсу Фармеру. Она пыталась успокоить дядю. Или свою совесть, что, в общем, одно и то же. Затем она спустилась вниз.

Он убрал лезвие.

Джеймс Фармер знал, что Кэтрин нет в номере. Откуда у нее появилась бутылка? Либо она взяла ее в номере Джеймса, либо нашла у себя. Значит, она вернулась обратно и потом спустилась вниз. Фармер мог знать, что она не в своем номере. Он мог знать. И тогда патрон мог появиться в их номере намеренно, чтобы подозрение пало на Энрико Вилари.

Дронго смыл с лица остатки пены.

Если виноват сам Энрико, то все понятно. А если его подставили? В этом случае нужно понять, кто и зачем это сделал. Но куда делся этот молодой мерзавец?

Закончив бриться, Дронго прошел в комнату и уселся на край кровати. Он взглянул на часы. Можно спускаться к завтраку.

Нужно было вчера поговорить с комиссаром. И найти Энрико. Как глупо все получилось! Вместо того чтобы искать убийцу, он отправился в постель к Илоне. А может быть, она завлекла его с каким-то расчетом?

«Еще немного, и я начну винить самого себя, – подумал Дронго. – Или Илону, которая не сделала мне ничего плохого. В любом случае это будет уроком для меня. Выйдя на след, пусть даже ложный, я обязан был отработать его до конца, а не проводить время с женщиной».

С другой стороны, почему «обязан»? Кому? Оказавшись здесь случайно, разве не вправе он проводить время так, как ему вздумается? Делать все, что захочет? Пусть Брюлей ищет убийцу. Пусть работают португальская полиция и следователи. При чем тут он?

«Врешь, – неожиданно сказал сам себе Дронго. – Ты получаешь от этого удовольствие. Как охотник. Нет, скорее как человек, ищущий истину».

Сколько смертей он видел на своем веку! Но скольких подлецов разоблачил, а хорошим людям помог? Если подсчитать, счет окажется в его пользу. Нет, не сможет он жить спокойно, пока в этом мире есть подобные типы. Борьба добра и зла – вечна. И в этой вечной борьбе он не имеет права оставаться в стороне.

Дронго поднялся, чтобы одеться. Если Брюлей уже проснулся, то им нужно обязательно поговорить и посоветоваться. Теперь он уже не сомневался в своей решимости довести начатое дело до конца. Нужно будет спуститься вниз и, несмотря на свое неприятие обильных трапез по утрам, дождаться в ресторане появления комиссара Брюлея.

За завтраком он увидел Илону, которая с улыбкой подмигнула ему в знак приветствия. Настроение у нее было гораздо лучше, чем вчера вечером. Но Тадеуш Шокальский на всякий случай сел за другой столик. Мурашенков вошел в ресторан точно в семь тридцать. Чисто выбритый, в светлом костюме. Сарычева не было видно, вероятно, он еще спал. В восемь часов появились Мануэль Сильва и адвокат Карнейро. Оба спустились вниз, одетые так, что сомнений не оставалось, – после завтрака они отправятся на поле для гольфа. Это удивило Дронго.

Но когда он уже допивал свой чай, к завтраку вышел еще один человек. И тоже одетый для игры в гольф. Это был сам Джеймс Фармер! Он в полном молчании прошел к столу, где сидели Мануэль Сильва и адвокат Карнейро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.